

Владислав **КРАПИВИН**

БРИГ «АРТЕМИДА»

Владислав Петрович Крапивин
Бриг «Артемиды»
Серия «Стальной волосок», книга 1

текст предоставлен редакцией

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168377

Бриг «Артемиды» Сказка о дальнем плавании: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-30651-0

Аннотация

Весной 1854 года, вскоре после начала Крымской войны, из Архангельска на Кубу с секретным поручением императора Николая I отправляется бриг "Артемиды". В результате неожиданного поворота судьбы на судне оказывается мальчишка из маленького сибирского городка. Множество приключений предстоит пережить мальчику Грише и экипажу брига во время опасной миссии... Выход этой книги приурочен к семидесятилетию Владислава Петровича Крапивина.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Снежная пыль	5
1	5
2	14
Туманные картины	23
1	23
2	31
Командир „Артемиды“	41
1	41
2	43
3	49
Дороги	57
1	57
2	61
3	68
Бриг	72
1	72
2	78
„Дыхание океана“	87
1	87
2	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Владислав Крапивин

Бриг «АРТЕМИДА»

Оппонент, профессор А.Б.Иванов:

*– Но, молодой человек! В вашем... э-э...
сочинении нет никакой документальной основы!*

Пятикурсник Иван Повилика:

– Ну и что?

Диалог на защите дипломной работы...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАРТА АМБРУАЗА ТАРДЬЕ

Снежная пыль

1

Санки у Гриши были знаменитые. Про них знали не только мальчишки и девчонки Ляминской улицы и окрестных переулков, знала и ребятня с того берега Городищенского лога. Сделал санки Кондрат Алексеевич Луков („мастер по всем деревянным премудростям“, как он сам про себя говорил) – сосед и приятель купца Максарова. Он и максаровским дочкам смастерил сани, но не такие, как для Гриши, а одни на всех – чтобы вместе было не страшно и весело. А Грише сказал:

– Ты ведь ямщицкого корня, надобно тебе салазки быстрые и лихие, чтобы слушались, как верная твоя лошадка...

Они такие и получились – легкие, поворотливые, с чудо какими скользкими полозьями. Впереди полозья широко загибались вверх и назад. На их концах Кондрат Алексеич вырезал прищуренно глядящие вперед конские головки – с

прижатыми ушами и откинутыми, будто встречным воздухом, гривами.

Прокатиться на таких – всякому охота. Вот и приставали:

– Гришуня, можно съехать разочек?

– Булат, дай скатиться на твоих коняшках!

Гриша давал, потому что просили по-доброму, без наскоков. Иногда, правда, отвечал:

– Обождите ради Христа. Ежели всякому не отказывать, сам-то я когда кататься стану?

Ну, тогда отступались на время, народ был понятливый...

Катались в самом начале Ляминской, там, где улица прижималась к логу. С одной стороны – заборы и ворота с накладными узорами, дома и домики с крылечками и кружевными дымниками на заснеженных крышах, с другой – крутой откос, под которым широкое дно лога, где в сугробах спит застывшая речка Туренка. Вот с откоса и скатывались – кто на больших и малых санках, кто на самодельных лыжах из бочковых клепок, а кто и на рогожках. Визгу и смеха здесь хватало всю зиму – и под солнцем, и под луной.

Нынче зима была уже на исходе, давно миновало Крещение и недавно – Сретенье, впереди маячила Масленица, а за ней Великий пост – время строгое, когда, по словам взрослых, много веселиться грешно. Да и какое веселье, какие санки весной, в распутицу! Но пока еще стояли февральские холода, и о недалекой весне говорило лишь то, что закаты стали не такими ранними. Послесолнечная розовость долъ-

ше, чем прежде, висела над низкими крышами и черными елями Городища, а в заре повадился купаться тощий месяц, над которым дрожала переливчатая звезда. Месяц был похож на серебряную подковку (уж не от Гришиных ли санных лошадок?).

Девочки на своих розвальнях катались сами по себе, лишь изредка окликали Гришу. Он им в ответ махал овчинной рукавицей. Максаровских дочек было четыре: самая большая, на год старше Гриши, – Аглая, потом его ровесница Оля, после еще с разницей в год и два – Танюшка и Катенька. Была и пятая – Лизавета – но ее пока в такие игры не брали: больно мала, третий год...

Скользкий путь с высокого края улицы до Туренки стремителен и недолог: полминуты встречного снежного свиста – и вот уже подлетаешь к заиндевелым кустам, что съежились вдоль берега. А иногда, если разгон получился хорош, можно через кусты, по застругам и наледям, вылететь на другой бережок (его сразу и не разглядишь среди сугробов). Опасности тут никакой, в Туренке поблизости нету ни одной проруби. Да ежели бы и была, то самая большая беда – замочишь валенки и подол шубейки, потому что глубина здесь „курице по пузо“.

От скорого полета на санках обмирает душа. Но это в первые разы, пока не привыкнешь, а потом хочется *еще чего-то такого, новенького*. Вот и стараешься то с разгона увеличить быстроту, то взлететь повыше на ухабе, то с хохотом напу-

гать столкновением дружка-приятеля, то...

Гриша придумал такую забаву. Уже внизу, на полпути от ската к речке, он пяткой валенка замедлял скорость санок с одного бока, те делали резкий поворот и уносили хозяина с накатанных мест в рыхлость нетронутого снега. Там Гриша опрокидывался на спину, взмахивал рукавицами, а снег взлетал над ним пуховой тучей, в которой начинали дрожать тысячи крохотных искр. Это месяц и большая звезда, и отблески заката рассеивали в снежной пыли свой сказочный свет.

Отсюда, снизу, крыши были уже не видны, только острые макушки елей чернели над кромкой откоса. Но месяц и звезда никуда не девались. Наоборот, в легкой снежной завесе они сделались ближе и крупнее, нависали почти что над лицом – протяни руку, и дотронешься до светящейся теплоты. Гриша не протягивал, чтобы не обмануться в сказке...

Когда розовый закат почти угас, а месяц разгорелся, Гриша (в который уже раз!) выбрался наверх. Было по-прежнему шумно и многолюдно. Гриша завертел головой: где они, сестры-то? Но сестер не разглядел, а со стороны услышал несмелый голосок:

– Гриша, можно я прокачусь?

Это был семилетний Агейка, сын сторожа ближней, Михаила-Архангельской церкви. В сумерках и под большим треухом лица Агейкиного было не видать, но Гриша и так знал, сколько на нем крупных конопушек. Агейку за коно-

пушки не дразнили, нрава он был покладистого и тихого, и потому никто его не обижал. Агейка редко обращался к кому-нибудь с просьбами, ну а если попросит, как такому откажешь...

Гриша сунул Агейке в рукавицу веревку от санок.

– Ладно, езжай...

– Не... Можно с тобой?

– Да одному-то ловчее!

– Не... Одному боязно...

– Горюшко ты мое... – сказал Гриша, точно как кухарка Арина, когда он или девчонки что-то роняли или разбивали на кухне.

Он подтянул санки к краю, усадил Агейку перед собой.

– Ну, Агей – не робей!..

– Ага... – отозвался тот с радостной готовностью.

И понеслись!

Агейка раза два взвизгнул, но понятно, что не от испуга, а от радости. И одно только в этой радости было плохо – быстро кончилась.

Вдвоем повезли санки вверх – длинной, косо идущей по склону тропинкой. Склон густо синел в сумерках, а месяц бросал на его неровности пятна зеленоватого света. От Агейки помощи было ни на грош, путался только сбоку, но сказать „не мешай, я сам“ было совестно. Агейка же, наверно, думал, что его старательность понравится Грише и тот прокатит его еще...

Может, оно так бы и случилось, но, когда оказались на кромке, Гриша сразу увидел среди мелкой ребятни высокую, закутанную в шаль Арина. И она его увидела.

— Где это вас носит нечистая сила (прости, Господи)! С обеда ушли и пропали. Тетичка Полина Федоровна вся извелась, „иди, — говорит, — Арина, сыщи неслухов“. А мне только и заботы, что бегать за вами, на кухне к ужину ничего еще не готово, беда одна...

— Ежели не готово, чего нас раньше сроку домой тащить? — рассудил Гриша.

— А того, что Платон Филиппыч приехали, спрашивают, где дети. „Почему, — говорит, — одна только Лизонька на мне висит?“

— Папенька приехал! — наперебой завизжали сестры, которые невесть откуда оказались рядом.

А еще рядом оказался Ефимка Грач, сын приказчика из скобяной лавки торговца Густова. Сказал с легкостью:

— Ты, Булат, щас домой пойдешь? Оставь мне своих „коняшек“ покататься полчасика, я свои сани на кочке хрустнул.

Просьба была довольно нахальная, поскольку в близких приятелях у Гриши Ефимка не числился. И решил уже Гриша ответить: „Свои добил, а теперь мои захотел?“ Но глянул на притихшего неподалеку Агейку и ответил неожиданно для себя:

— Ладно, бери. Только не один катайся, а вот с ним, — и кивнул на маленького. — Да не обижай...

– Зачем обижать-то? – честно удивился Ефимка. – Будет, как ты сказал...

– Потом поставь санки у нашей калитки, звякни в колокольчик. Кто-нибудь выйдет, заберет...

Девочки той порой весело уговаривали Арину сесть в сани. Мол, домчим до дому за то, что принесла добрую весть о папеньке. Ухватили даже и со смехом старались усадить в легонькие розвальни.

– Да отпустите вы меня, оглашенные! Чё люди-то скажут! Взрослую дурёху малолетки везут! Обсмеют на весь свет!

– А мы скажем, что к Масленице готовимся! Репетиция такая! – нашелся Гриша.

– Какая еще ри...ты... пица? Грех один...

– Репетиция! Ну, подготовка будто к домашнему театру на Рождество! Помнишь?

– Ты, Гришка, уgomонился бы! Больно шустрый стал. Вот скажу Платону Филиппычу... у меня есть чего про тебя сказать. Он тебя отдерет за милую душу!

Гриша смеялся (а девчонки упрямо усаживали Арину). Ничего она про него не скажет, хотя и есть что. И никто его не отдерет. Сроду такого не бывало!

...Правда, один раз, прошлую весной, чуть оно не случилось. Гриша гонялся по комнатам за маленькой резвой Катенькой и запустил ей вслед тугой вышитой подушечкой – одной из тех, что лежали по креслам. Катька – вот ловкая! – животом упала на половицы, подушка пролетела сверху и

угодила в тонконогий перламутровый столик у дивана. А на столике красовалась лампа со стеклянным абажуром из розоватого стекла (называется „венедианское“). Лампа – на пол, абажур – вдребезги, Катька – в рёв, хотя она-то здесь ни при чём! Шум, люди... Среди всех сбежавшихся – высокая, ставшая сразу будто деревянной, тетичка Полина Федоровна.

– Это что же такое! Сколько раз тебе, Григорий, говорилось: веди себя в доме пристойно, не шали сверх меры. А ты опять... Такая лампа была! Да не в лампе дело, а в твоём непослушании... Дуся!

Появилась вертлявая кухарка Дуся (взятая временно, в помощь Арине).

– Дуся, принеси-ка вицу!

Девница хихикнула и ускользнула. И сразу появилась опять – с длинным чёрным прутом (будто он был припасен заранее). Хихикнула снова – видать, ей было любопытно. А прут показался Грише похожим на голый хвост великанской крысы из его давнего страшного сна. Гриша обмяк и онемел – ни словечка вымолвить, ни пискнуть даже. И будто вата в ушах... Сквозь вату он услышал:

– Помоги-ка, Дуся, этому сорванцу расстегнуть, что надобно...

Дуся придвинулась. От её фартука пахло рыбьими кишками – наверно, она только что потрошила на кухне осетра...

Гриша беспомощно попятился – мелкими шажочками...

Неужели это и вправду? Вот сейчас! Здесь!.. Боли он не боялся, даже и не подумал про нее, но *эта жуть...* при всех, при девочках... Одно дело, когда вместе купались у запруды на Туренке – и мальчишки, и девчонки со всей округи – там никто и не думал про всякое такое, не глядел друг на дружку, только визг да брызги... А тут ведь *совсем другое...* Гриша метнулся по сторонам сырыми глазами, зацепился за взгляд Полины Федоровны. Та вдруг мигнула, глянула иначе.

– Ладно... Дуся, оставь... – И Грише: – А ты ступай... и подумай про свои излишние шалости. Большой мальчик, десять лет скоро... Обещаешь впредь быть разумнее?

Гриша часто закивал (отчего с ресниц срывались капли), и каждый кивок был, как мелкая ступенька в темное укрытие. В сумраке этого укрытия были перемешаны и стыд, и великое облегчение...

Потом Гриша всхлипывал на своей постели, спрятавши лицо в подушке, а разумные Оленька и Аглая утешали его, говоря, что ничего, мол, страшного. Тетичка просто припугнула Гришу, который стал в последнее время чересчур прыгучим. А по правде-то *ничего такого* делать не собиралась.

Может, и правда не собиралась. А может, в последний момент увидала его глаза и пожалела мальчишку. Вспомнила, что сирота...

Четыре сестры тоже были сиротами, но все же не полными, при родном батюшке. А он – и без маменьки, и без отца. Потому и не Максаров, а Булатов.

Гришиного отца уважали, как известного знатока лошадей. Несколько лет он служил ямщиком, потом стал шорником. Родом был из Бухарской слободы, что за рекою. Там жили те, кто обитал в этих местах еще в давние времена – до той поры, когда казаки поставили крепость Турень на месте запустелой столицы обширного ханства. Как появилась крепость, люди здешней крови перебрались за реку. Туда же стали съезжаться и торговцы из Бухары. Жили рядом с русскими без больших споров и кровавых стычек, потому что худой мир лучше доброй войны. За рекой места было немерено. Стройся, живи, занимайся ремеслами, рыбачь, разводи огороды, торгуй. Казаки и русские поселенцы обид бухарскому поселению не чинили, те тоже хотели согласия. И нарушалось оно нечасто. Хотя изредка случались всякие стычки, потому что на разных берегах – разные веры. У русских – православная, у бухарцев – магометанская. Ну и ладно, веруй в Господа каждый по-своему, другим не мешай. Так оно в общем-то и было, но за редкими случаями. И такой вот случай выпал заречному шорнику Амиру Булатову и дочке приказчика Егора Савина с пристанских торговых складов. Приглянулись друг другу. Ну и ладно бы – он парень видный, она тоже хороша, да родители Аннушки Савиной только руками развели: как отдавать дочку за нехристя? Даже и

помыслить о таком нет возможности. Вот и отец Пантелеймон из Спасской церкви сказал то же самое:

– Не в том запрет, что кровь иная, а в том, что вера чужая. Как пойдешь супротив Божьих правил... Вот когда бы окрестился он...

Амир и Аннушка при тайной встрече обсудили все и решили: Господь – он все равно един в целом мире, и если он сотворил так, что у двух людей с разной верою родилась неудержная любовь, не будет греха, когда один примет веру другого. Тем более что и магометане очень даже почитают Христа...

Вот и стал Амир Василием. И свадьбу сыграли вскоре. И была бы у молодых жизнь на загляденье, да только соседи Булатова про веру думали не так, как Василий и Аннушка. Взгляды стали недобрые, слова сквозь зубы, а однажды запыхала конюшня – еле успели вывести на двор купленных недавно Гнедого да Красотку.

Понял Василий, что не будет жизни в слободе. Ну и ладно. Перебрались на правый, высокий, берег. Там дошел до него слух, что купцу Максарову надобен хороший конюх и кучер и вообще помощник по всяким хозяйственным делам, потому что нанятые прежде работники с делами этими не управляют. И пошел наниматься. Понравились друг другу. Потому как Платон Филиппыч держался без лишней гордости, барина из себя не строил, а плату предложил подходящую. Василий же купцу Максарову пришелся по душе дело-

витостью, знанием всего, что касается лошадей, и (это Платон Филиппыч усмотрел сразу) спокойной смелостью. С таким не страшно будет и в дальних дорогах, которые выпадали купцу Максарову нередко...

Так оно и получилось. Скоро сделался Василий Булатов не просто максаровским помощником, а, можно сказать, другом-приятелем. Доверенным человеком. Кое-кто из прислуги завидовал ему, но причин для того не было: в главные управители Василий не метил, с каждым держал себя по-доброму и каждому готов был помочь в работе...

Максаров выделил Булатовым на своем широком дворе флигель с двумя комнатами. Это чтобы Василий всегда был поблизости и чтобы Аннушка не оставалась без помощи, когда хозяин и его помощник отправлялись в поездки.

Жили Василий и Аннушка душа в душу, через год родился Гришенька. И все ладно было до той поры, как случилась беда. Максаров поехал в Тобольск по своим торговым делам, Василий – ясное дело – с ним. Время было зимнее, начало февраля. Отправились не на почтовых, а на своих лошадях. Дорога-то не столь уж и длинная. Управились в Тобольске за два дня, а на обратном пути, в сотне верст от Турени, накрыла ездовых небывалая по густоте снега и напору метель.

Ну, что там было, в точности Гриша не знал – Платон Филиппович рассказывал про тот случай неохотно, а другие – по-разному. В общем, двое суток купец Максаров и его верный охранитель провели в розвальнях, укрытые тулупами,

согревались глотками из штофа да жевали остатки засохшего каравая. И мерзли, несмотря на тулупы. Василий, как мог, укутывал, берег хозяина, хотя тот и спорил. Ехать было нельзя – чуть сдвинешься в сторону от замеченного тракта и все потеряешь дорогу. Да и лошади двигаться не могли.

Потом пурга ослабела, легло вокруг ровное, в глубоком снегу, поле. И по этому полю пришла другая беда – волчья стая. Вытащили новенькие английские ружья – не те, что заряжаются с дула, а с патронами. На какое-то время отпугнули зверей, да те, видать, поняли, что зарядов у людей немного, стали подступать сызнова. И были, мерзавцы. Тут опять подкрались сумерки. Платон Филиппыч и Василий сожгли всю солому из розвальней, да волков это не шибко напугало. Голодные были, а голод – он сильнее страха. Люди поняли, что выход один – отдать зверям лошадей. Василий, стреляя с левого локтя, правой рукой вынул тяжелый, как меч, нож, отчаянными взмахами обрубил постромки. Лошади, набравши от ужаса последнюю силу, рванули через глубокий снег. Волки за ними. И... не вернулись. Видать, хватило хищникам конской добычи. А Максаров и Василий съежились в розвальнях, под тулупами, моля Бога, чтобы не оставил их Своей милостью.

Он не оставил... К ночи пробилась по занесенному тракту почтовая тройка из Тобольска, подобрала полузамерзших путешественников, отогрели их на ближней станции, что по старому обычаю именовалась „яма“...

После того случая оба сильно хворали – и Платон Филиппович, и Василий. С жаром, с натужным кашлем. Ну, потом поднялись все же. Только купец поднялся окончательно, будто не бывало простуды, а у помощника его в груди затаилась болезнь и весною показала себя снова. Максаров немало потратился на лучших докторов, да, видно, такая судьба была у Василия – в мае схоронили. Платон Филиппович ходил сам не свой, а про Аннушку и говорить нечего – месяц была в беспамятстве. Потом отошла, конечно – жить-то надо. Одна у нее осталась радость, одно утешение – годовалый Гришенька. Но оказалось, что это утешение – не окончательное лекарство. Стала Аннашка чахнуть и через год скончалась от той же болезни, что и муж... Перед смертью Христом Богом просила хозяина не оставить Гришеньку. Платон Филиппович сказал с деланой суровостью:

– Ты, Анна, обожди раньше срока накликать на себя кончину, грех это... А ежели что, помни: Гриша для меня – родной. Я и перед мужем твоим в том крест целовал...

Гриша и в самом деле жил в семье именитого купца как свой, как Максаров. Правда, оставался Булатовым, но разницы в том не видел. Разве что порой мальчишки окликали его по сделанному из фамилии прозвищу – Булат. Да порой и дядичка Платон, покачивая головой на излишнюю резвость приемыша, вздыхал:

– Булат ты и есть, лихой татарчонок бухарский...

Но, по правде сказать, в Грише не было заметно татарской

крови. Весь он оказался в мать – русский, светлоглазый, нос сапожком. Впрочем, и среди бухарцев немало встречалось таких... Лишь изредка, в сердитые минуты, серые с карими пятнашками глаза его щурились и бросали колючие проблески, будто у какого-нибудь лучника из племени Кучума.

Но сердился он редко, нрава был покладистого, а если порой и баловался, то ведь так оно и положено по мальчишеской природе. С четверьмя девочками жил в согласии, будто с настоящими сестрами. А когда появилась пятая, – Лизавета-красавица – возился с ней не меньше, чем Аглая, Оленька, Танюшка и Катенька.

Здесь пора сказать, что Лизавета была не родная сестра четверем старшим, а сводная.

Сперва Платон Максаров (в ту пору молодой и, случалось, решительный без оглядки) женился на Елене Константиновне Гарцуновой, с которой познакомился в бытность свою в Петербурге. Что там было, в столице, Гриша не знал, да и девочки не знали – не детского ума это дело. Ясно только, что любовь была горячая, а кончилось все чуть ли не похищением и скорой скачкой за Урал. Оно и понятно. Максаров – он хотя и с немалым капиталом, а все же купеческого сословия (а дед его, и вовсе сказать, – из саратовских крепостных). А Гарцуновы хотя и без капиталов, с одним заложенным помещицем, а „голубая кровь“, дворянство. Родня – в основном офицеры: гвардейцы да моряки. Разве можно, чтобы любимая сестра пошла за „торгаша“! Та, однако, братьев и тету-

шек не спросила, а родителей не было.

Ну, до проклятий, до полного разрыва с родней дело не дошло, но и связей почти не осталось. Никто беглянку не навещал, а коротенькие письма с именинными поздравлениями приходили раз в году. Елена поначалу плакала украдкой, но радости в жизни было у нее не в пример больше. Потерявшая дворянство Елена Константиновна Максарова нашла эту радость в любви к мужу, в дочерях и в своем добром доме, где жизнь текла без обид и невзгод. Понимала она, правда, что у мужа в душе прячется досада: одна за другой появляются дочери, а так хочется наследника-мальчишку. Ну, да это уж как Господь рассудил, грех роптать...

Но не обошла беда и этот дом. Когда пришел час появиться на свет Катеньке, Елена Константиновна не выдержала трудных родов. Малышку спасли, но с первого дня оказалась она сиротой. Случилось это вскоре после смерти Аннушки Булатовой.

Горевал Платон Филиппович сильно, ну да что поделаешь. И самому без жены, и дочкам без матери, с одними только няньками да кормилицами, – какая жизнь! И через четыре года после рождения Катеньки женился сызнова. На племяннице Никиты Данилыча Суровцева, что служил главным секретарем в Туренском пароходстве и владел там немалой долей акций (как, впрочем, и Максаров). Полина Федоровна хотя и не была дворянских кровей, но статью и пригожим лицом не уступала прежней жене Платона Филиппо-

вича. И характером была спокойна и ласкова. Девочки сразу привязались к ней, да и Гриша тянулся порой быть поближе, приткнуться под локоть в добрую минутку. Случай с лампой, он был единственный, когда тетичка Полина напугала Гришу до слез, ну да чего про то вспоминать...

Конечно, купец Максаров, взявши вторую жену, мечтал, что уж она-то подарит ему наследника. А появилась Лизонька. Платон Филиппович вздохнул про себя, но вслух горького слова не сказал, потому что грех Бога гневить. Тем более что Лизавета-солнышко обещала стать красавицей, в мать.

Так вот и жили. В восемь лет отдали Гришу в двухгодичное городское училище, но через год он его оставил. Потому что делать там было нечего: все науки, что давались в училище, Гриша без труда и за малое время освоил вместе с девочками, которые обучались у домашних наставников. А читать научился сам собой, даже раньше Аглаи. Книг в доме водилось немало, Платон Филиппович и сам был до них охотник. Заказывал и по почте, и привозил при всяком случае, когда ездил в иные города по торговым делам.

У Гриши были две самые любимые книжки. Это сшитые из старых журналов под одним переплетом „Картины природы“ и „Конек-Горбунок“, сочиненный Петром Павловичем Ершовым, про которого говорили, что служит он инспектором в Тобольской гимназии – той, куда на будущий год собирались отправить Гришу. В гимназию и хотелось (новое в жизни всегда завлекательно!), и страшно было оторвать-

ся от привычного дома. Ну да ладно, до будущей осени времени еще немерено...

А пока что – синие зимние вечера да серебряный месяц в искрящейся снежной пыли...

Туманные картины

1

Арину все-таки усадили в сани и с хохотом повезли вниз по Ляминской – к маленькой площади среди заметенных снегом заборов и спящих в куржаке берез. Сюда сходились три улицы: кроме Ляминской, еще Архангельская и Полицейская, которая тянулась через город от реки.

Надо сказать, что обязательных уличных названий, записанных в документах городской управы, в ту пору в Турени еще не было. Не названия, а так – скорее, прозвища. Полицейская – оттого, что в начале ее, у реки, дом полицейской управы. Архангельская – это понятно, из-за церкви. А Ляминская – потому что рядом, у ближнего перекрестка, неширокое, но длинное озерцо. А по правде сказать – невысыхающая лужа. У озерца этого – невесть откуда взявшееся имя, Ляминское. Вот и улица с тем же названием...

Но если кто-то присылал Платону Филипповичу или Полине Федоровне письмо, то на конверте такого названия не было, а стоял адрес: „Г-ну Максарову (или г-же Максаровой), в собственный дом, что у Городищенского лога, неподалеку от Михаило-Архангельской церкви, г. Турень“. А один раз даже написали: „...что у Ляминского озера“.

„Озеро“ – глубиной по колено. Однако же и от него была польза. Зимой, когда оно замерзло, лед расчищали, и можно было гонять на коньках. Коньки мастерил ребятишкам все тот же Кондрат Алексеич Луков. В аккуратные деревянные колодки с дырами для веревок вставлял он железные полоски от обручей, натачивал их – и катайся на здоровье. У Гриши, кстати, были и настоящие коньки, дядичка Платон привез откуда-то в подарок. Но Гриша на них катался нечасто, больше ему нравились санки...

Сейчас доносились от озера мальчишечьи вскрики и смех. Гриша мельком подумал, что, наверно, не на коньках там нынче носятся, а играют в „буру“. Это когда находят гладкий, застывший на морозе катыш конского помета и гоняют его по льду пимами, стараясь попасть по ногам друг дружке. Это ладно, когда по ногам, а бывает, что и по носу или по губам. Несладко, но все равно смех...

У входа в двухэтажный трактир Фомы Колокольцева горел пузатый фонарь. Да и без фонаря было светло. Месяц набрал силу и сиял теперь в позеленевшем небе, как горячая полная луна. Белая колокольня Михаила-Архангела впитывала его лучи и будто светилась изнутри. Тонкий крест отражал лунное золото, маковка под ним горела так, будто от месяца отскочил осколок и застрял там, разгораясь со своей собственной силой. Сказка, да и только...

Гриша остановился на полминутки, чтобы вобрать в себя такую сказку, потом кинулся догонять сани. С этого места,

недалеко от лестницы, ведущей к переправе через лог, Ляминская поворачивала вправо и становилась уже настоящей улицей – не односторонкой, как прежде. Это потому, что лог заворачивал еще правее, как бы отодвигал Городище от главной части Турени... В ставнях светились щели. Вообще-то не было большой нужды запирать на ночь окна ставнями: не случалось в этих местах больших краж со взломами (хотя городищенские порой пошаливали). Но как-то прочнее ощущаешь себя, если стекла закрыты дощатыми створками, а те перехвачены железной полосой, запертой изнутри на длинный шкворень и болт. Будто в крепости...

Окна Максаровых тоже были за ставнями, тоже тепло светились тонкими щелками. С улицы максаровский дом казался небольшим. Всего три окна под двускатной крышей да сбоку пристрой с крыльцом. Окна, правда, высокие, с хитрой резьбой по наличникам и карнизам (понятно, что работа Кондрата Лукова), навес над крыльцом – с подпорками из кованого кружева, водосточные трубы – с жестяными теремками на верхушках. Те же теремки – на столбах ворот, а сами ворота – в накладных деревянных узорах с птицами-павлинами. Но размеры дома ничуть не больше, чем у всех других на Ляминской. Посторонний человек глянет и не догадается, что за забором дом тянется далеко в глубину двора, лепит к себе пристройки, нарастает вверх просторным мезонином. А вокруг – навесы, сараи и конюшни, за которыми разросся сад с яблонями, черемухой и сиренью. Этот сад задним сво-

им краем выходит прямо к началу Спасского бульвара, который насадили недавно для прогулок и развлечений городской публики...

Арине помогли выбраться из саней у калитки. („Ох, греховодники, вот скажу Платону Филиппычу, он вам задаст...“) Со двора толпой ввалились в холодные сени, где пахло стылыми досками, рогожей и мерзлой капустой из приткнувшейся в углу бочки. Потом – в теплые, где запахи свежих пирогов и керосина от лампы мешались с еле уловимым, но всюду проникающим ароматом духов Полины Федоровны. Разматывали шарфы и шали, вытряхивали из валенок не успевшие растаять комки снега. Девчонки – те сразу в гостиную. А Гриша – сперва в свою „камбру“, где стол с тетрадями и чернильницами, старинный шкаф с любимыми книжками и всякими вещичками (в коем немалый беспорядок), кровать с медными шишками на витых железных спинках и печная изразцовая стенка в углу (дверца от печи – в другой комнате). Охватившее со всех сторон тепло разбудило в теле запоздалый озноб – короткий и сладковатый. Гриша тряхнул слипшимися локонами и потянулся. Толстые чулки пахли отсыревшей шерстью, Гриша стянул их, прыгая то на одной, то на другой ноге, кинул на приступок у печки. Сунул голые ступни в домашние шубенки. Подтянул штаны, одернул вышитую косоворотку, поправил поясок и пошел здороваться с дядичкой.

Сестры, повизгивая, вертелись вокруг отца, что-то гово-

рили, не слушая друг друга. Лизавета сидела на папенькином плече. Гриша сказал сдержанно:

– С приездом, дядичка Платон. Добрый вечер...

Платон Филиппович сразу весь обратился к Грише. Широкий, густобровый, с улыбкой, пробившейся сквозь курчавую бородку.

– И тебе добрый вечер, Гришуня! Как тут жил-существовал? Смотрел ли за нашими красными девицами? У них ведь только хиханьки-хаханьки в голове, нужен строгий глаз, а ты здесь, когда меня нет, один из мужского племени...

– Смотрел, сколь хватало сил, – полушутя соврал Гриша. Потому что по правде-то смотрела за девчонками (и за Гришей заодно) старшая сестра – деловитая и рассудительная Аглая.

„А любопытно, чего он мне привез?“ – сама собой щеко-тала его мысль. Не был Гриша попрошайкой и жадиной, но ведь не бывало и случая, чтобы дядичка вернулся из поездки без подарков для каждого из домашних.

На сей раз, однако, Платон Филиппович привез один подарок для всех детей. В большой гостиной, где стоячие часы и фортепьяно, возвышался на круглом столе ящик красного дерева с глазастым выпуклым стеклом. Сверху ящика была крышка с костяным шариком, сбоку – медное колесо размером с блюдце.

– Туманные картины... – таинственным шепотом сказала Грише Оленька.

Гриша кивнул. Про туманные картины он знал. Однажды в училище лысоватый шуплый наставник Иван Елисеич взялся показывать такие картины первому классу. Объяснил, что будут виды Петербурга и Москвы. Но свет из ящика был слабый, лучи увязали и запутывались в жиденьких клубках пара, который поднимался над разогретым двумя лампами медным тазиком. Смутные очертания каких-то домов и башен (не разберешь, где Москва, а где Петербург) колыхались, таяли, пропадали. Мальчишкам это надоело, стали шуметь и плевать друг в дружку жеваными бумажками. Иван Елисеич торопливо сказал, что на этот раз представление окончено, а потом будет снова, когда аппарат приведут в порядок. Но никакого „потом“ не случилось (или случилось, когда Гриша уже покинул училище).

Но теперь он понимал, что никакой неудачи и непонятности не будет. Потому что ящик (называется „волшебный фонарь“) был не в пример больше и красивее того, что в училище. А устройством пара занималась тетичка Полина. А уж она-то, если за что берется, все делает в лучшем виде. На перламутровом столике (на том, с которого Гриша когда-то сшиб лампу) она расставила длинные ванночки с горелками под ними, зажгла фитильки. В ванночках зафырчало, стал частыми струйками подниматься прозрачный парок. Скоро он сделался гуще, слился в одно облако, заколыхался, будто вздернутая ветром скатерть.

Аглая вполголоса рассказала Грише, что папенька купил

эту хитрую вещь в Ирбите, где в нынешние дни шумела-кипела известная на всю нашу Империю ярмарка. Туда привозили товары не только из российских губерний, но бывало даже, что из иных стран. Аппарат был немецкой фирмы и назывался мудреным словом „Рау-хен-бильд-верк“ или что-то вроде того (девчонки рядом уважительно хихикнули) и что к нему прилагаются три дюжины стеклянных картинок, из которых и получают в тумане большие картины. Почти как натуральные виды...

Грише страсть как хотелось сунуться поближе к удивительному ящику, но он себя сдерживал. Над аппаратом колдовал сам Платон Филиппыч, который сказал:

– Уважаемую публику прошу не толкаться у меня под руками. Сначала все налажу, покажу первый раз, а дальше ломайте, как хотите...

Впрочем, скоро он сам позвал Гришу:

– Свет-Григорий, иди-ка, помоги... Вот смотри: в эти рамки надо вставлять картинки вверх ногами...

– Отчего же вверх ногами? – поразился Гриша.

– По закону науки оптики... Потом поправляешь этот отражатель, чтобы огонек точно был посередине...

Перед вогнутым зеркалом размером с тарелку горел в ящике яркий огонек медной лампочки. Свет как бы протыкал стеклянную картинку в жестяной рамке впереди. Остальные рамки ждали своих картинок и были похожи все вместе на страницы широко распахнутой книжки. Гриша, сопя

от волнения и слегка обжигаясь о лампочку, стал вставлять стеклышки, которые подавал дядичка. Рамки сами поворачивались под пальцы, потому что дядичка тихонько вертел колесо. Наконец вся вертушка из двенадцати рамок была заполнена. Платон Филиппович усилил огонек. Подошла Полина Федоровна, глянула на оставленные картинки, покачала головой:

– Ох, мужчины! Вы не знаете порядка. Надо было ставить по номерам, иначе все станет непонятно... Вот, на бумаге есть список...

Упрек был, конечно, прежде всего мужу, и Гриша храбро заступился за дядичку:

– Ничего! Если беспорядок, это даже интереснее!

– Ну, безусловно... кое для кого, – сухо вато сказала тётичка. Наверно, вспомнила Гришин шкаф. Но больше не спорила.

– Почтенную публику просят занять места! – возгласил Платон Филиппович. Девочки со стуком и возней расположились на стульях. У двери шумно дышали Арина и приказчик Сергей Фомич, заглянувший к хозяину по какому-то делу да так и застрявший у порога. Гриша остался рядом с дядичкой, у волшебного фонаря. Здесь же была и Полина Федоровна – она держала лист бумаги в свете, падавшем из бокового оконца ящика.

– Ну-с, приступим, – важно, однако с некоторой опаской проговорил Платон Филиппович. И двинул в ящике вверх

черную заслонку.

Широкий светлый конус ударил из аппарата в полутьму комнаты.

2

Сперва было тихо, потом Арина у двери шепнула:

– Батюшки-светы...

А Оленька (Гришина ровесница) выдохнула:

– И-зу-ми-тельно...

В светлых клубках, как в прозрачном облаке, встало видение города. С острыми крышами, тонкими узорчатыми башнями, флюгерами, колокольнями и мачтами кораблей, что прижимались к высоким каменным причалам. Реяли вымпела и флаги. Круглый дым висел пред стволом пушки, которая, кажется, только что выпалила в честь прибывшего судна... Все это было в неярких, но теплых полукрасках – оранжевая черепица, желтоватые фестоны парусов, бледное небо с волокнами облаков, серый камень...

– Картина номер четыре, – слегка торжественно сообщила Полина Федоровна. – Портовый город Амстердам в Голландии... Платон Филиппыч, тебе не кажется, друг мой, что слегка мутновато?...

– Сейчас, сейчас... – Дядичка Платон двинул ободок переднего стекла, и контуры города обрели удивительную четкость. Он стал будто настоящий. Вот сделай пару шагов – и

окажешься там, у горбатого моста через канал, под вывеской лавки, на которой нарисован корабль с круглыми, как пузыри, парусами...

Вода в ванночках булькала, струи пара колыхались. Казалось бы, и город должен был колыхаться с ними, но он стоял прочно, неколебимо. И в то же время сказочно... Вот бы оказаться там хотя бы на полчаса, глянуть на иноземные чудеса!

Платон Филиппович шевельнул колесико. Картинка сменилась, будто от взмаха крыла.

– Ай! – разом сказали Катенька и Танюшка, а храбрая Лизавета обрадованно засмеялась.

Сквозь переплетение разлапистых листьев и висячих растений смотрела на людей громадная тигриная морда. С черными разводами на оранжевой шерсти, с беспощадно-белыми великанскими клыками, с точками света в прозрачных желтых глазах. Совершенно живых...

Гриша и раньше видел похожего тигра. В старом журнале „Картины природы“ было напечатано изображение размером в целый лист. Такая же голова среди зарослей. Но там была гравюра, без красок. Тонкие линии сплетались в выразительный рисунок, но... рисунок, да и только. А здесь – будто зверь-великан оказался прямо в комнате. И смотрел на всех... не то чтобы кровожадно, однако по-хозяйски. „Что захочу, то с вами и сделаю...“

– Страх какой... – выдохнула Арина. И Грише, по правде

говоря, тоже стало страшно, хотя ясно ведь, что ничего здесь нету, кроме света и пара... А Полина Федоровна, любившая порядок, прочитала:

– Номер двадцать два. Царь уссурийских джунглей тигр...

– Хоть какой там номер, а в зубы ему не попадайся... – бормотнул у дверей Сергей Фомич.

– Ну, побоялись? – спросил Платон Филиппович со снисходительной важностью (будто это он сам изловил и привел в дом тигра). – Поехали дальше...

Дальше появилась картина номер четырнадцать – египетский сфинкс и пирамиды. Это Гриша тоже видел в журнале. И по правде говоря, больше пирамид и каменного сфинкса с отбитым носом его интересовали шагавшие на первом плане верблюды. Что там у них в полосатых тюках? Какие восточные товары?...

– Говорят, что сфинксу отбили нос наполеоновские солдаты во время своего неудачного египетского похода, – разъяснила Полина Федоровна.

– Зачем? – удивилась любопытная Танюшка.

– Потому что безобразники. Их плохо воспитывали...

Гриша ощутил какую-то виноватинку, хотя к нему эти слова не имели касательства. Едва ли тётка помнила сейчас про лампу.

– Если хочешь, попробуй сам... – шепнул Грише Платон Филиппович, показывая на колесо волшебного фонаря. Мень, мол, картинки...

– Ага, хочу... Ой, нет. Лучше я после... – показалось вдруг, что прямое прикосновение к аппарату разрушит волшебность происходящего...

– Ну, как знаешь... – понял его дядичка и послал в облако пара новое видение.

Это была буря на море. Такая, что казалось, будто и впрямь дохнуло на всех ветром и брызгами. Зеленые волны с гребнями вздымались в немыслимую высь, пробившееся солнце заполняло небо беспощадным оранжевым светом. Не было в солнце радости и ласки... На громадном обломке мачты лепились друг к дружке измученные люди, один вскинул в руке красную тряпицу – видать, сигнал о помощи. А от кого ее ждать? Ожидалось иное: грозная водяная гора с тучей пены на гребне надвигалась на несчастных и готова была смять их, поглотить, сделать так, словно никогда не было на свете этих людей...

– Номер двадцать девять. Копия новой картины знаменитого морского живописца Айвазовского „Девятый вал“... – стала объяснять Полина Федоровна. – Я читала в журнале толкование, что девятый по счету вал в череде ураганных волн – самый грозный, он несет тем, кто терпит бедствие, гибель. И все же не совсем неминуемую. Вал может и помиловать несчастных. Это уж какая у кого судьба...

„А у *этих* какая судьба?... – застонала под сердцем у Гриши тревога. – Спасутся ли? Сохрани их, Господь...“

А разноцветной буре не было дела до крохотных людей.

Может, поглотит в пучине, а может, и помилует, но это так – не обратив внимания...

– ...такие удивительные краски, – опять донесся голос тётки Полины. – Конечно, здесь они не так различимы, как в натуре, да и перенести их в точности на маленький кусочек стекла невозможно. И все же какое грозное впечатление, не правда ли?

В колыпании клубов пара волны казались подвижными (не то что башни Амстердама) – медленно вырастали, надвигались...

– ...Я первый раз вижу это известное полотно в красках, раньше смотрела только на гравюрах... Кстати, оно не столь уж новое, написано три года назад...

– Ну, так ведь и стеклянная картинка могла быть изготовлена тогда же. И объяснение к ней, – осторожно заметил Платон Филиппович. – И пока это дошло до нас...

Гриша почуял, что дядичке Платону (как и ему, Грише) не очень-то по душе нравоучительные нотки, которые пробивались в речи Полины Федоровны. Такие же, как в голосе приходящей три раза в неделю учительницы Натальи Евграфовны, которая обучала девочек и Гришу чтению, письму и арифметике... Та была вдовою известного врача Ермилова и очень ученой женщиной. Полине Федоровне тайно хотелось быть такой же...

– Ах, но мы увлеклись. Детям не следует так долго впитывать столь сильное впечатление, особенно незадолго до

сна... Что там у нас дальше?

Дальше были венецианские каналы и гондолы, горы Гималаи, портрет знаменитого баснописца дедушки Крылова, схватка с горцами на Кавказе, несколько видов с парками во Франции (они не очень различимы были в поредевших клубах пара)... И вот возник вдруг корабль!

Он двигался из беспокойного облака прямо на Гришу – летучий, стройный, с тугими от попутного ветра парусами. Пена крыльями отлетала от острых скул корабельного корпуса. Узкий треугольный парус изогнулся полумесяцем над передней, наклоненной над водою мачтой, которая (Гриша помнил!) называется „бугшприт“...

В корабле было движение! Стремительность! Слияние с ветром! И не беда, что пар уже поредел и рисунок стал размытым (не поймешь даже, сколько у корабля мачт). В этой размытости была лишь добавочная тайна, манящая недосказанность, зов пространства...

– Картина номер восемь. Парусное судно в Атлантическом океане... Ну, вот и все, дорогие мои. Остальное – завтра. Пора ужинать.

– Ну, ма-а-аменька!.. Ну, тетичка Полина! Еще чуть-чуть! Этот корабль!..

– Всё-всё-всё... Чувствуете, как пахнет пирогом с кухни?

Пахло и правда так, что засосало в желудке. К тому же долго спорить со взрослыми было не принято. Можно, конечно, слегка поканючить и поупрямиться, но не сверх меры.

Платон Филиппович погасил лампочку волшебного фонаря, Арина внесла большую лампу.

– Гриша, там какой-то мальчик с санками позвонил у ворот, спрашивает тебя...

– А, это Грач! Я же говорил ему, пусть оставит у калитки!

– А он хочет что-то сказать тебе. Я впустила...

„Поломал небось“, – мелькнула сердитая мысль. Гриша выскочил в студёные сени, где горела в жестяном фонаре свечка. Холод цапнул его за голые лодыжки.

Ефимка смотрел насупленно, однако без боязни. И санки, кажется, были целы.

– Ну, чего? Накатались? – неловко сказал Гриша.

– Ага...

– Агейку не забижал?

– С чего бы это забижать малóго? Мы с ним ладóм... А я чего зашел-то! Агейка просил тебе отдать вот это. Вроде как подарок... – Ефимка Грач выдернул из рукавицы ладонь, разжал пальцы. На вспотевшей ладошке Гриша увидел треугольный осколок, в котором отразилась свеча.

– Это чё?

– Стеклышко зеленое. Если днем глянешь в него вокруг, сразу будто не зима, а лето... Ну, для тебя это небось мусор, а для него целый клад. Он тебе его и послал. Как спасибо за санки, значит... Ты не выбрасывай...

Гриша с непонятым смущением взял осколок. Глянул сквозь него на фонарь. Огонек свечи стал похожим на све-

жий березовый листик. И запахло, будто не капустой из кад-ки, а молодой травой...

– И впрямь как лето, – неизвестно чего стесняясь, проговорил Гриша. – Зачем это я стану выбрасывать, скажешь тоже... В него ежели почаще глядеть, то и впрямь тепло придет поскорее...

– Впрямь... – серьезно подтвердил Ефимка.

Гриша без прежней досады скользнул по нему глазами – от лохматой шапки до растоптанных пимов.

– А ты... это. Если хочешь, раздевайся, да айда к нам ужинать. Арина пирог сготовила с нельмой. И чаю с медом напьемся.

Гриша знал, что за столом Ефимку примут по-доброму. Не было еще случая, чтобы в доме у Максаровых косо смотрели на приведенного с улицы гостя.

Грач ответил степенно:

– Благодарствую. Только домой надо сию минуту, а то ох как достанется, что поздно. Бабка уши надерет. У нее пальцы костяные, как у Бабки-Яшки... Ну, бывай...

– Бывай... – сказал Гриша в спину Ефимке. А вернее – морозному облаку, что влетело в сени, когда Ефимка пропал за дверью...

Гриша снова поглядел через стеклышко на свечу. „Листик...“ А рядом будто задышал еле слышно конопатый Агейка.

– Гриша, где ты там? – окликали его из комнат. – Просты-

нешь ведь!..

...После ужина потянуло в сон. Оно и понятно – вон как намотались в логу среди снега, а после – сказочные картины да горячий чай с медом и калачом...

Но девочкам казалось, что спать еще не пора. Кто же ложится, если нет даже девяти часов!

– Гриша, почитай книжку, – пристали Танюшка и Катенька.

– Сами разве не умеете?

– У тебя лучше получается, – приластилась Катенька.

– Да какую вам книжку, неумные?

– А какую сам читаешь...

– Я про рыцаря Дона-Кишота читаю, вам неинтересно...

– А ты прочитай про Конька-Горбунка, – надоумила Оленька.

– Вы же про него тыщу раз слышали!

– Ну дак и чего такого, – сказала Танюшка. – Можно и две тыщи...

– Беда с вами...

Они пошли в большую комнату, где стояли кровати девочек. Расселись на широкой постели Аглаи, каждый сунул под себя подушку.

– Гриша, а книжка-то где? – напомнила Катенька.

– Ему зачем... – усмехнулась Оленька. – У него же память и-зу-ми-тельная...

И вправду, „Конька“ Гриша знал наизусть. Он прикрыл

глаза и заговорил чуть монотонно и привычно:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе – на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина...

Слова говорились сами собой, для сопящих рядом сестер, а для себя Гриша думал про другое. Про тот корабль, что совсем недавно видел он в облаках пара – будто в настоящих облаках, клубящихся над океаном. Есть же на белом свете счастливые люди, которым довелось в жизни ходить под парусами, видеть дальние моря и страны!..

Он, конечно, не знал в тот момент, что с ним случится такое же через недолгое время...

Командир „Артемиды“

1

Синева была и-зу-ми-тельная. Так сказала бы Оленька Максарова (Гришина ровесница). А старшая из сестер, Аг-лая, тут же отыскала бы в этой синеве разные оттенки. Она любила рисовать и знала множество красок. Назвала бы „аквамарин“, „бирюзу“, „ультрамарин“, „индиго“... Все эти краски сейчас переливались и смешивались в громадной синеве, которая к тому же казалась подсвеченной изнутри. Словно кто-то расположил под толщей воды великанские серебряные зеркала. Они отбрасывали пробившие водную толщу лучи, и отражения их местами ложились на склоны волн зеленоватыми пятнами.

Волны двигались слева и навстречу и осязательно качали бриг, но с высоты марсовой площадки казались небольшими. Кое-где они были оторочены пенными щетками...

Капитан второго ранга Николай Константинович Гарцунов, командир „Артемиды“, не позволял Грише подниматься по вантам выше фор-марса и грот-марса. „На нижние площадки – так и быть, а на салинги – ни-ни...“ Гриша и не помышлял нарушить запрет. На военном судне порядки крепкие. Да и с марса (высота до которого шесть саженей) про-

стор открывался небывалый. Дух захватывало. Не от страха захватывало, конечно. Уж чего-чего, а высоты Гриша Булатов не боялся сроду. Бывало, что робел перед дракой, ежил-ся в темных комнатах, порой опасался признаваться в проказах, но на самые высокие березы забирался без опаски, с крутых ступеней на старой пристани нырял очертя голову. И когда Агейкин отец, дядя Игнат, пустил мальчишек на колокольню Михаила-Архангела, Гриша сразу вскочил на приступок широченного полукруглого проема рядом с колоколом – чтобы оглядеть всю Турень и заречные дали. Его перепуганно ухватили за подол рубахи...

И сейчас, на фор-марсе, у стыка мачтовой колонны и стены, Гриша ощущал себя уверенно, как птаха с крыльями. Стоял на брусках решетки, настеленной на краспицы и лонга-салинги, затылком прислонялся к лакированной поверхности толстенной фор-стены, а для удобства и прочности держался за начищенное медное кольцо – рым. Зачем этот рым привинтили здесь, ниже эзельгофта, было непонятно. Никакая снасть сквозь него не проходила. Может, иногда поднимали сюда на фале фонарь, надобный при ночных срочных работах? Гриша не знал. Во всех рангоутных и такелажных мудростях и тонкостях не разберешься и за год...

Снизу долетал иногда негромкий, но бодрый звон колокола. Каждые полчаса вахтенный отбивал „склянки“. Сверкающий колокол с надписью „Артемида“ висел над форштевнем. В его язык был ввязан короткий плетеный „конец“ – рын-

да-булинь. Впрочем, отсюда, сверху, его было не видеть...

Редкие облака в голубизне были похожи на клочки белой кудели. Солнце горячо светило в левую щеку. Ветер остужал эту горячность и взъерошивал растрепанные локоны. Прижимал к животу подол широкой холщовой рубашки.

От рыма пахло нагретой медью. От стены – сухим деревом и лаком. Это было похоже на запах „волшебного фонаря“. У того ящика медью пахло боковое колесо для поворота стеклянных картинок, а горячим лакированным деревом – согретые лампою стенки... Где это всё теперь? Полутемная комната, притихшие девочки, проблеск месяца в щели ставен, лопотанье Лизаветы-красавицы на коленях тетички Полины, голос Арины из кухни: „Ужинать-то скоро ли будете, люди добрые...“

Господи, где это всё теперь? И есть ли оно на самом деле? Или по правде ничего нету, кроме этой всеохватывающей синевы, которая называется „Атлантика“?

2

Как вообще всё это могло приключиться с мальчиком Гришей Булатовым из далекого от всех морей города Турени?

А вот так приключилось... Вскоре после того вечера, когда появился волшебный фонарь, пришло из Петербурга письмо от дядюшки четырех сестер Максаровых. То есть

от родного брата их покойной маменьки, Николая Константиновича Гарцунова. Письмо было неожиданностью. Гарцуновы писали крайне редко, а чтобы вот так подробно, на нескольких листах – такого никогда не бывало. Дядичка и тетичка долго обсуждали это послание. От детей секрета не делали, и потому сестрам и Грише стали известны подробности. Николай Константинович писал с неожиданной душевностью, что прежние размолвки были досадными и ненужными. Что „порождены они нелепыми предрассудками“, которые непонятно зачем разделили людей, связанных родственными нитями. Годы идут, возраст уже немолодой, и все яснее делается понимание прошлых заблуждений. Досадно, что он, моряк, побывавший в разных странах света, не был ни разу в российском городе, где жила свои последние годы его любимая сестра, не посетил ее могилу и незнаком со своими четырьмя племянницами... Если бы, писал морской капитан Гарцунов, Платон Филиппович и его супруга Полина Федоровна проявили краткое гостеприимство и позволили ему появиться у них на несколько дней, он был бы им душевно благодарен. Тем более что весною он, командир специального судна, отправляется в ответственное плавание и когда получит новую возможность для приезда, сказать пока невозможно...

Ни Платон Филиппович, ни Полина Федоровна не видели никаких препятствий для такого визита. Напротив! Давняя размолвка между Гарцуновыми и Максаровыми всегда

была темным облачком над жизнью Платона Филипповича (а значит, и над жизнью всего семейства) – даже после кончины Елены Константиновны. Девочки не раз шепотом беседовали о своих столичных родственниках (вслух говорить про это было не принято). Понятно, что они запрыгали!

А Гриша ощутил тихий восторг, похожий на тайное предчувствие. Память о паруснике с „туманной картины“ все эти дни не оставляла его, и ожидание, что он увидит „настоящего морского капитана“, стало ожиданием неведомого ранее праздника.

Оказалось, что письмо сильно задержалось в пути, и гость появился следом за ним буквально через три дня: рискнул отправиться в путь, не дождавшись ответа из Турени.

Да, это в самом деле был *настоящий капитан*. Не чета армейским капитанам, которых Гриша не раз видел во главе здешнего пехотного полка на городских праздниках. Его черный, с золотыми пуговицами и якорями на вороте, сюртук, густые эполеты с тремя звездами на каждом, сабля с медной витой рукоятью и в кожаных с позолотой ножнах – все это было из другого мира...

Лицо гостя, правда, показалось Грише сперва чересчур обыкновенным. Не боевое, не овечное океанскими ветрами, а вроде как у знакомого доктора Евгения Алексеевича Шелковникова – с мягкими щеками, светлыми желтоватыми глазами, с припухлостью улыбчивых губ. („На маменьку похож“, – шепнула Грише Аглая, которая хорошо помнила

Елену Константиновну; Гриша чуть не брякнул, что у маменьки небось не было маленьких пушистых бакенбард, но вовремя прищемил язык.)

Встретили гостя как родного, хотя и не ждали столь раннего приезда.

Конечно же, Николай Константинович привез подарки. Что там для взрослых – Гриша не разобрал (не подглядывать же!), а девочкам достались большущие куклы в немыслимых столичных платьях. В том числе и Лизавете-красавице, хотя она и не была племянницей капитана. Только на Гришу капитан Гарцунов глянул с растерянностью. Он не ведал, что у его сибирского зятя есть воспитанник. Но он быстро нашелся в сложных обстоятельствах.

– А ты, значит, Гриша? Рад знакомству... Я полагаю, не дарить же мальчику игрушку, как для девочек, потому – вот... – Он извлек бумажник с медными уголками и вынул блестящий серебряный рубль. – Получай. Пусть это будет началом твоего собственного капитала... Смотри, рубль этот особенный...

Гриша, сопя от радостного смущенья, смотрел. Конечно, рубль был замечательный, большущий, с разлапистым коронованным орлом, немножко старинный даже... но что в нем *самое* особенное?

– А ты взгляни, какого он года...

Гриша взглянул: 1814... Чем же он знаменит?

– В том году русские взяли Париж, закончивши нашу вой-

ну с Бонапартом, – сказал Николай Константинович. – Дата знаменитая... Правда, нынче новый Наполеон, под номером третьим, снова точит на Россию зубы, но о том уже особый разговор...

Рубль – деньги были немалые, можно корову купить. Но Грише зачем корова! Он затолкал рубль в карман нарядных плисовых штанов и обещал себе не терять его и не разменивать никогда в жизни. Монета в кармане дружелюбно звякнула об Агейкино стеклышко – словно поздоровалась...

Вечером было застолье – с пирогами, с водочкой и наливками для взрослых, с ягодными соками для детей... Девчонки настояли, чтобы в соседней комнате показать дядичке Коле „туманные картины“. Полина Федоровна цыкнула было на неугомонных сестриц: не время выходить из-за стола, но Николай Константинович не захотел обижать племянниц.

– Что за беда, оторвемся на полчасаика...

Теперь с волшебным фонарем хлопот было меньше. Недавно сделали открытие: вовсе не обязательно устраивать завесу из пара. Световые картины прекрасно отпечатывались на стене. А если натянуть простыню – получались они и вовсе прекрасно. Правда, Грише картины в тумане нравились больше – там была особая волшебная зыбкость. Но с простыней зато – быстрее. Кроме того, Платон Филиппович показал в аппарате еще одну хитрость. Можно было не вертеть колесо рукою, а ключиком завести в ящике пружину, и механизм сам поворачивал рамки с картинками – пример-

но четыре за одну минуту. При этом скрытые металлические планки и колокольчики играли мелодию простенького вальса...

(Старшая из сестер, Аглая, под эту музыку потом не раз напевала слова – они, видать, сложились у нее сами собой:

Ближе и ближе волшебный лесок.

В чащу лесную зовет голосок.

Кто там живет?

Кто там поет...

Грише нехитрый этот мотив и Аглаины слова запали в голову и не раз потом звучали в памяти...)

Николай Константинович просмотрел все картины с должным терпением. Про город Амстердам заметил, что бывал там неоднократно и он в точности такой и есть. В Венеции ему тоже приходилось быть. Египетских пирамид, правда, не видел, тигра же наблюдал, но только в лондонском зоо-саде, а не в диких джунглях (и слава Богу!).

А про парусный корабль, который нравился Грише пуще всех других картин, капитан Гарцунов сказал, что, судя по всему, это голландское судно. Не военное, коммерческое, но быстроходное.

– Обратите внимание на боковые паруса. Это лиселя. Видите, они как крылья. Придают кораблю дополнительную скорость.

Потом сестер и Гришу решительно отправили спать (и ни-

каких книжек – время позднее!), а Платон Филиппович, Полина Федоровна и гость вернулись за стол...

На следующий день Николай Константинович с Платоном Филипповичем и старшей из сестер – Аглаей – съездили на Затуренское кладбище, что на северной окраине города. Там была похоронена Елена Константиновна, сестра гостя. После все отстояли в память о ней в ближней, Михаило-Архангельской церкви панихиду...

Затем прошли еще несколько дней: в беседах, в рассказах гостя о его путешествиях и корабельной службе, о хитростях нынешней политики, о столичной жизни и о разных родственниках, про которых Максаровы до сей поры ничего и не знали. Было и катанье в розвальнях по городу, и встречи со знакомыми Платона Филипповича... И опять разговоры... Одни беседы велись при детях, а иные – по вечерам и про то, что маленьким слышать необязательно.

3

Один такой разговор, подробности которого Гриша узнал много времени спустя, случился между купцом Максаровым и капитаном Гарцуновым за три дня до отъезда Николая Константиновича. Один на один, за бутылкой дорогого французского вина, привезенного гостем.

Разговорились откровенно, „без женских ушей“, про жизнь, про семейные дела. Гость спросил про мальчика Гри-

шу: откуда он и кто он такой в семье Максаровых. Платон Филиппович рассказал про все, что было. И добавил, что Гришу здесь любят и никогда не оставят своими заботами. Может, был бы даже смысл ему, Платону Филипповичу, усыновить мальчика и сделать главным наследником, раз уж судьба шлет ему одних лишь дочерей, которых впереди все равно ожидает замужество и перемена фамилий. Но теплится все же надежда, что Господь смилостивится и пришлет Максаровым наследника по крови, мальчишку. Ведь они – Платон и Полина – еще в тех годах, когда можно ждать прибавления семейства...

Дворянин и человек тонкого воспитания, Николай Константинович в тот вечер как-то расчувствовался (чему способствовала смесь французского вина и сибирской водочки) и чистосердечно поведал зятю о своих семейных горестях. Горести были похожие на те, что у Максарова. Жена родила двух дочерей („Замечательные девочки, Платоша, умницы, но... какие же из них моряки...“), а затем к мужу по причинам, понятным лишь женскому разуму, охладела, и теперь они живут по отдельности, хотя до законного развода дело не доходит и едва ли дойдет, поскольку все это не одобряется морским начальством и дворянскими понятиями морали...

Теперь невозможно узнать ход мыслей двух мужчин в затянувшейся беседе того позднего вечера. Понятно только, что к ночи созрела идея, которая изначально родилась, разумеется, у капитана второго ранга Гарцунова. Отчего бы

Грише Булатову (мальчику славному и развитому не по годам) не поехать с Николаем Константиновичем в Санкт-Петербург, чтобы затем отправиться с ним в дальнее плавание на бриге „Артемид“, командиром которого назначен он, капитан Гарцунов. Если мальчик проявит склонность к морской службе и любовь к корабельным наукам, его можно будет по возвращении определить в Морской корпус, который дал отечеству немало славных флотоводцев. Правда, здесь есть определенные тонкости и сложности. В корпус берут детей дворянского сословия. Но он, капитан Гарцунов, мог бы взять на себя хлопоты по усыновлению Гриши с тем, чтобы дать ему свою фамилию. При связях и знакомствах Гарцуновых с людьми, имеющими в столице власть, сей процесс не был бы слишком затруднителен. А склонность мальчика к флотской профессии он, Николай Константинович, усмотрел еще в первый день знакомства, когда Гриша с горящими глазами спрашивал о морях и парусах. Он, капитан Гарцунов, по правде говоря, ощущает некоторую виноватость перед семейством Максаровых и для ее заглаживания готов оказать помощь в устройстве судьбы ее приемного ребенка. Понятно, что его судьба и без того не будет горькой, но, может быть, в этом случае она проявит себя особенно благоприятно.

– Если, конечно, у тебя, Платон Филиппыч, не будет на то больших возражений...

Платон Филиппович скреб бородку. Больших возражений

не было. Наоборот, неожиданное предложение зятя помогало решить деликатный семейный вопрос. Платон Филиппович был умен и чуток и понимал, что супруга его, Полина Федоровна, при всей ласковости к мальчику, видит в нем некоторую опасность посягательства на капиталы мужа и, следовательно, на будущее достояние дочерей. В первую очередь – на достояние родной ее дочери Лизоньки.

– Однако же, – в меру трезво рассудил Платон Филиппович, – надобно спросить и самого Григория. И не хотелось бы, чтобы у его отца, у Василия, царство ему небесное, – (Максаров перекрестился), – ежели он смотрит на нас *оттуда*, появилось мнение, будто я хочу избавиться от мальчонки. Он же мне и правда как родной...

Неизвестно, как отнесся к этим планам Василий Булатов, смотревший *оттуда*, а Гришиному восторгу не было меры. Чудо небывалое! Все моря и океаны враз открылись перед ним! И жизнь с заморскими странами и приключениями, про которую читал он раньше лишь в книжках и о которой не помышлял всерьез, придвинулась вплотную.

...Так было в первый день. На второй пришли сомнения. Нет, о том, чтобы отказаться от поездки, и мысли не было, но... как разом оставить все родное, привычное? Дом, в котором вырос, людей, к которым привязан сердцем? Друзей-приятелей с улицы Ляминской, с которыми случались иногда и потасовки, но доброго товарищества всегда было больше?

...С приятелями прощание получилось коротким. Те и не верили в предстоящее путешествие Булата, и... как не поверить, ежели своими глазами видели его на улице с дядюшкой в морской фуражке и черной шинели с золотыми пуговицами...

– А может, он тебе дурит бóшку, твой дяденька, – сказал в меру вредный и рассудительный Яшка Пим. – Глядишь, довезет до Москвы али Петербурга да и скажет: „А теперь мотай домой, покатайся, и будя...“

– Может, и так, – согласился Гриша. – Кто же его знает... Ну так что теперь? Не отказываться же...

То, что Гриша не спорит и не хвастается, нравилось приятелям. Начали они давать наставления, чтобы все запомнил покрепче и, как вернется, обстоятельно рассказал про все, что видел в дальних краях. Гриша обещал. Про то, что может вернуться очень не скоро, потому что после плавания не исключена возможность оказаться в Корпусе, говорить он не стал. Все-таки вернется же когда-нибудь! Быть может, на какие-нибудь каникулы...

Конопатый Агейка, в отличие от других, с вопросами не приставал, стоял чуть поодаль и смотрел с нерешительной полуулыбкой. Гриша подошел к нему сам. Вынул зеленое стеклышко.

– Вот... твое. Где-нибудь далеко гляну сквозь него и сразу вспомню про всех, кто тут... И как с тобой на санках... А тебе из тех краев привезу что-нибудь заморское...

Агейка заулыбался пошире, закивал...

О прощании с домашними что говорить! Хорошо хоть, что времени до отъезда оставалось всего ничего и предчувствие горького расставания оказалось не длинным. Были, конечно, и слезы, и объятия, и обещания писать с дороги. Каждый понимает, каково это надолго покидать родное гнездо. Особенно тому, кто раньше уезжал из своего города не дольше, чем на неделю, и не дальше Тобольска...

Платон Федорович рассудил мудро и твердо:

– Долгие проводы – лишние слезы. Нечего нам для провожания ехать на станцию, помашем от ворот, и хватит того...

Так и сделали. Впереди всех, на дорогу, выскочила Танюшка (по правде говоря, самая для Гриши любимая) и, сбросив рукавичку, дольше всех махала голой ладошкой...

И вот не видно уже из розвальней никого, и улицы Ляминской не видно, и даже колокольни Михаила-Архангела. И даже домов на других улицах, которые бегут и бегут безвозвратно назад... Как и что увидишь, когда слезы повисают льдинками, миг застывая на последнем февральском морозе...

Вот и почтовая станция на краю Турени. Кучер Еремей (последний из „своих“) потрепал Гришу по шапке:

– Ну, счастливой тебе дороги, Григорий Васильич. Шибко не горюй. Передам от тебя домашним поклон... – И укатил в санях, запряженных резвой кобылкой Феней (тоже „своей“, родной такой – прямо взять бы да прижаться к ее морде и не

отпускать... но уже не догонишь).

А может, еще не поздно? Может, рвануть в своей легкой шубейке и новеньких пимах по Полевой, по Ямской? Если без остановки – дома окажешься через полчаса!..

Но из суеты почтовой станции, из толкотни лошадей и незнакомых людей возникли носильщики в замызганных фартуках, подхватили со снега баулы офицера и мальчика.

– Пожалуйста, ваше сиятельство. Вам отправляться без промедления, лошади ждут...

В широкой кибитке, кроме капитана и Гриши, оказалось трое мужчин (похоже, что чиновники). Гриша глянул на них мельком, забыл поздороваться и стал глядеть в мутноватое оконце. То ли от слез мутноватое, то ли само по себе. За оконцем бежали назад снежные обочины Московского тракта с редкими полосатыми столбами. Сквозь серую пелену пробивалось солнце, летали над березами вороны. В горле сидел занозистый деревянный комок – не проглотить.

Гарцунов тронул Гришу за плечо.

– Я понимаю... Ни у кого не обходится без слез, когда первый раз уезжаешь из дома. Помню по себе... Однако же подумай, сколько нового увидишь впереди. Мало кому из мальчиков твоих лет доводится такое...

Гриша все же сглотнул комок и кивнул, не обернувшись. Потом вспомнил – расстегнул шубейку, из кармана курточки вынул Агейкино стеклышко. Глянул на пробежавшую мимо кибитки зиму. Та сразу сделалась зеленой. „Хоть чего бы ни

случилось, а все равно наступит лето“, – подумал Гриша. И от этой мысли сделалось легче.

Дороги

1

До чего же громадной оказалась земля! Путь до Москвы занял больше двух недель. Старались успеть в столицу по зимнему пути. И успели! Правда, под конец уже часто встречались проталины, а снег сделался рыхлым и липучим. Отражал солнце особым весенним блеском, от которого в глазах долго держались разноцветные пятна.

Да и все воспоминание о дороге похоже было потом на такие перепутанные пятна. Сёла и города, в которых шумела Масленица. Круглая луна над снегами. Фонари. Трактиры на почтовых станциях – с низкими потолками, самоварами, блинами и шумным народом... Тесные номера, в которых останавливались на ночь. Сон приходил неохотно, донимали клопы. Подушки пахли свалявшимся пухом и плохо простиранным полотном. В эти подушки Гриша не раз пускал слезинки, вспоминая Турень и всех, кто там остался.

В дороге казалось ему иногда, что привязанность к дому на Ляминской, к прежней жизни похожа на длинную пружину, которая не рвется, а лишь растягивается от растущего расстояния и все сильнее тянет назад. Не всегда так было, но часто. Потом пружина будто лопнула, стало легче. Солн-

це сделалось ярче.

Долгое однообразие дороги скрашивал Николай Константинович. Не раз он в кибитке доставал из баула твердую тетрадь и свинцовым карандашом рисовал в ней фигурки парусников и отдельные корабельные части. Объяснял, что такое бриг, а что фрегат и линейный корабль, как называются разные мачты и паруса, что такое морская миля, скорость в узлах, широта и долгота. Гриша забывал о печалях, впитывал эти уроки и запоминал накрепко... А порой капитан Гарцунов говорил о своих плаваниях, вспоминал штормы и шквалы и пояснял, что главное при них – всегда выполнять свое дело и не терять головы...

– Более всего люди в море гибнут от страха. А пока ум сильнее ужаса, есть надежда...

Гриша вспомнил картину „Девятый вал“ и спросил, как думает Николай Константинович: спасутся ли те люди на обломке мачты. Капитан Гарцунов ответил кратко:

– Нет сомнения.

Вообще-то капитан был немногословен, лишних слов не говорил, каждое – в точку. Но в этом не было резкости или недовольства, была лишь деловитость, необходимая всякому настоящему моряку. А смотрел он своими желтоватыми глазами всегда мягко, порой даже ласково. И Гриша в конце пути стал уже ощущать привязанность к дядюшке своих пусть и не родных, но любимых сестер. И порой хотелось назвать его не по имени-отчеству, а „дядичка Николай“, но Гриша

не смел без разрешения. А Гарцунов не предлагал такого...

Москва встретила приезжих печальными колоколами Великого поста. Остановились в небогатых номерах Тишкина в переулке за Тверской. В ресторанном зале Николай Константинович заказал на обед мясные щи и жареную рыбу. Гриша опасливо вскинул глаза:

– Пост же...

Капитан сказал понимающе:

– Морякам в пути дозволено. Есть на то разрешение церковного начальства. Надобно беречь силы и здоровье...

Москву видели мало. Успели проехать через Кремль, поставили свечки в церкви у Никитских ворот (там когда-то венчался Александр Сергеевич Пушкин, сочинивший „Руслана и Людмилу“), заглянули ненадолго к знакомым Николая Константиновича (Гриша их не запомнил) и к ночи отправились на новый, еще не достроенный Николаевский вокзал. Путь до Петербурга предстоял по чугунной дороге, с паровой тягловой машиной. Про такое чудо Гриша слышал, конечно, только не верилось как-то, что может это быть по правде. Другое дело пароходы, которые видел он в Турени много раз (и однажды плавал даже на таком с дядичкой в Тобольск), но чтобы пар тащил дома́ на колесах посуху... Будет что рассказать мальчишкам.

Впрочем, все оказалось не столь удивительным. Внутри было почти как в кибитке, только просторнее. Жидким желтым светом горели свечи в фонаре, который равномерно ка-

чался у потолка. Тяжелое стуканье колес вскоре сделалось привычным. Гриша съезжился на обитом сукном диванчике и провалился в сон. Умотался, бедняга...

Петербург оказался совсем иным, чем Москва – пестрая и шумная даже в пост. Он был спокойным, просторным, со строгой красотой каменных дворцов над застывшим простором Невы. Нева – она не в пример шире родной Гришиной реки в Турени, даже сравнивать смешно. Низкие кружевные мосты тяжело висели над бегущими по крепкому еще льду тройками, над вмерзшими у набережных корабликами. Небо розовато-табачного цвета устало гасло над крышами и куполами, и цепи фонарей повисали вдоль холодных берегов.

Сухопутная часть путешествия в Петербурге еще не кончилась. Оказалось, что бриг „Артемид“ стоит не здесь и не в Кронштадте, а в Архангельске, где надежные люди готовят его к дальнему плаванию.

Гриша спросил – отчего так.

Капитан Гарцунов объяснил коротко и не очень охотно, что таково распоряжение начальства. Из Архангельска уходить спокойнее. Еще прошлой осенью предвиделись осложнения с Францией и Англией, которые поддерживали турок в их споре с Россиею из-за Святых мест в Иерусалиме. И, ожидая блокаду Кронштадта, Финского залива и всей Балтики неприятельским флотом, Морской штаб распорядился, чтобы судно для исполнения важного задания снаряжали подалеже от неприятельских глаз.

Какое задание, командир „Артемиды“ подробно не объяснял. Гриша знал только, что предстоит плавание к Антильским островам, среди которых самый большой – остров Куба. Край, где лежат Антильские острова, – тропический. Почти у самого экватора. О тропиках Гриша знал немало и думал о встрече с ними с таким волнением, что даже останавливалось дыхание и забывался на время дом в Турени. Но пока до тропиков было далеко, и даже не верилось, что где-то есть они на самом деле.

2

В Петербурге стало ясно, что капитану второго ранга Гарцунову теперь вовсе не до мальчишки. Он долгими часами пропадал то в Морском штабе, то в министерстве, то в каких-то канцеляриях. И сидеть бы Грише целыми днями в унылом гостиничном номере, но нашелся счастливый выход. Николай Константинович познакомил мальчика (которого называл для всех „моим неожиданным племянником“) с доктором Петром Афанасьевичем. Доктор этот (он и врач, и ученый, называвшийся длинным словом „естество-испытатель“) тоже собирался в плавание на „Артемиде“. Для каких-то научных исследований в тропическом мире. Петр Афанасьевич отнесся к будущему юному попутчику с живым вниманием и заботой.

Доктор был человек уже в годах, но бодрый и неутоми-

мый. Этакий жизнерадостный холостяк, украшенный аккуратной лысинкой, похожими на клочки пакли бакенбардами и голубыми глазками, близко сидящими у круглого пористого носа. А перед глазками блестели маленькие продолговатые очки – вроде тех, какие Гриша видел на портрете Петра Павловича Ершова, автора „Конька-Горбунка“.

Петр Афанасьевич решительно переселил Гришу из гостиницы в свою квартиру, полную пестрых птичьих чучел и развешенных по стенам карт. В этой холостяцкой квартире командовала громкоголосая и костлявая кухарка Агриппина (доктор ее малость побаивался). Затем Петр Афанасьевич несколько раз катался с Гришей по столице, показывая то Медного всадника, то Петропавловскую крепость, то дом, в котором жил и умер после дуэли с подлым иностранцем Дантесом Пушкин. Сводил его в Кунсткамеру, где было немало всяческих редкостей и вещей из тропических стран. Была там и восковая фигура императора Петра Великого, про которую Гриша слышал давно еще, что она совсем как живой царь. Однако живую фигура ему не показалась и была даже неприятна. Сидит, таращится стеклянными глазами, топорщит усы. Сразу видно, что кукла...

Во время этих поездок доктор поведал Грише то, о чем избегал говорить командир брига. Видимо, Петр Афанасьевич сразу понял, что Гриша Булатов – человек надежный и никаких секретов никому не разболтает.

Доктор объяснил, что есть такое торговое общество –

Российско-Американская компания (сокращенно называется РАК). Создана она давно, чуть не сотню лет назад, знаменитым купцом и путешественником Григорием Шелиховым. Владения Компании весьма обширны, они лежат и на Камчатке, и на островах в камчатских и американских водах, и на полуострове Аляска, и даже на западном побережье Северной Америки – есть там русская крепость под названием Росс. Богатств у Компании немало, торговый оборот весьма широк – по разным странам. Но немало и трудностей. Не секрет, что император Николай Павлович до последнего времени не очень-то жаловал РАК, и были тому серьезные причины. Среди мятежников, которые в двадцать пятом году выступили на Сенатской площади („Помнишь, мы были там вчера“) против государя и с тех пор поминаются под именем „декабристы“, оказались и люди из дирекции Компании. В том числе известный поэт Кондратий Рылеев... Какой резон был Николаю Павловичу любить этих торговцев бобровыми шкурами, не так ли? (Гриша насупленно кивнул.)

– Однако же времена меняются... Государь на то и самодержец всея Руси, чтобы думать не только про обиды, но и помышлять об интересах отечества... Ты ведь помнишь карты мира и глобус, который разглядывал вчера? – (Гриша на ходу кивнул опять; шли вдоль решетки Летнего сада.) – Обратил внимание, конечно, что две Америки – Северная и Южная – соединены тоненьким перешейком. В самом узком месте он всего-то полсотни верст. С давних времен раз-

ные ученые умы выступают с планами прорыть этот перешеек каналом, чтобы моряки могли попадать из Атлантического океана в Тихий и обратно коротким путем, а не вокруг мыса Горн, где каждый год бури губят немало кораблей...

– А мы мимо того мыса не пойдём? – не удержался Гриша. – Вы не думайте, что я боюсь, но... просто любопытно.

– Нам к Капгорну пока не надобно. Наш путь в Караибское море, к острову Кубе... На этом острове, коим нынче владеет Испания, небывалые богатства сахара и табака. И вот смотри: ежели бы прорыли канал, у РАКа открылся бы совсем недалекий путь на Кубу и новые возможности торговых дел. Да и сами работы по строительству канала сулят немалые выгоды. Для таких дел создаются особые компании, которые выпускают ценные бумаги – называются „акции“. Умелые обороты с акциями могут принести владельцам новые капиталы. А значит, и государству...

Гриша кивнул очередной раз. Про акции и обороты он краем уха слышал не раз от дядички Платона Филиппыча; правда, не испытывал тогда к тем разговорам интереса...

– ...А значит – будет и выгода всему государству, – продолжал доктор. – Правители Кубы наверняка тоже имеют к тем делам интерес, вот и везет им наш Николай Константинович правительственные бумаги. А с другой стороны, должен туда добраться представитель РАКа. Сперва сухим путем, через Мексику. А затем – по Мексиканскому заливу...

– А нынешняя война – не помеха этому предприятию? –

со взрослой солидностью спросил Гриша.

Он знал уже, что британская королева Виктория и французский император Наполеон (племянник того, давнего Наполеона) в середине марта объявили России войну. Флот английского адмирала Немира вступил в пределы Балтики. Правда, льды в заливах не давали ему возможности сунуться ни к Риге, ни к Гельсингфорсу, не говоря уже о Кронштадте, но ведь Пасха уже близится, а за ней придет лето (Гриша мельком вспомнил Агейкино стеклышко).

– Война войною, да она не на все времена, – обстоятельно рассудил Петр Афанасьевич. – Государь и правительство помышляют и о более дальних интересах... А к тому же... как знать, возможно, в бумагах, которые везет на Кубу „Артемида“, говорится и о каких-то российских военных интересах в Антильских водах. – И добавил то ли шутя, то ли всерьез: – Вдруг государю пришел в голову план обзавестись русской эскадрой в Караибском море?... Но в точности про это не знает и наш капитан. У него задача простая: передать документы. Кроме того, в пути, в определенных местах и в назначенное время, он будет вскрывать пакеты с предписаниями: как поступать в разных случаях. Есть такое правило у военных моряков...

Гриша же, спрашивая про войну, думал не о государственных интересах, а о себе и о бригае. „Вот как прищучат нас где-нибудь в океане британские или французские фрегаты, будет „Артемиде“ на орехи...“ Впрочем, беспокойство царапалось

не сильно – слишком уж ненастоящей казалась опасность. Больше было в душе любопытства и такого азарта – как при забавах в туренском логе, когда играли в разбойников...

А у Николая Константиновича Гарцунова тревоги были, конечно же, настоящие. Впрочем, сейчас, по прошествии более чем полутора веков, мы можем лишь смутно догадываться о них. Командир „Артемиды“, не зная даже в подробностях целей своего поручения, понимал его серьезность. Недаром же военное судно, несмотря на объявленную кампанию, отрывали от флота и посылали в дальние воды. Да к тому же командиру его недавно присвоили до срока звание капитана второго ранга, хотя бригами обычно командовали капитан-лейтенанты, а то и просто лейтенанты...

Не могли не тревожить его и соображения о своем воспитаннике. Пока не была объявлена война, плавание мальчика не казалось чем-то необыкновенным (изредка случались такие дела и раньше). Но теперь... Может быть, не раз Николай Константинович размышлял: не отправить ли мальчика обратно, найдя для него подходящих попутчиков? Что его удержало от такого решения? Надежда, что опасность невелика и шансы встретить противника в громадном океане ничтожны? Или боязнь поранить душу мальчика разбившимися мечтами? Или... ожидание, что при благополучном исходе плавания в Морском корпусе появится юный кадет с фамилией Гарцунов? Пусть и не родной, а приемный, но все-таки – свой... У кого из флотских офицеров нет мечты про-

должить среди будущих моряков свою фамилию?

Про все эти размышления мы тоже можем лишь гадать...

Как и про то: получил ли капитан второго ранга позволение у начальства взять с собой мальчика или сделал это на свой страх и лишь после отхода внес его в судовую роль? Если так, то он немалым рисковал, но... опять же, что мы можем знать о причинах его поступков?

Понятно, что и Гриша ничего этого не знал. Он жил в нервном ожидании, в смеси радости и беспокойства, которые смягчались лишь беседами с доктором. Гриша скоро привык к Петру Афанасьевичу, и тот стал ему казаться даже больше „своим“, чем Гарцунов.

Здесь, в Петербурге, догнали Гришу и Николая Константиновича письма из Турени. В них говорилось, что дома все благополучно, что весточки, отправленные Гришей с пути, получены и что все по нему скучают (Гриша неловко покряхтел, глотая комок и пряча от доктора глаза). И все расписались, даже кухарка Арина крупно нацарапала свое имя. А Лизавета-красавица приложила к листу ладошку, которую старшие девочки обвели чернильной линией...

Письмо пришло к Пасхе. А в середине пасхальной недели командир „Артемиды“, доктор и Гриша по тракту с раскисающим снегом отправились в Архангельск. Там офицеры и команда брига (люди, по словам капитана, отменно надежные) давно уже готовили судно к плаванию.

В Архангельске пахло отсыревшим деревом. Весь город был деревянный, не то что Петербург. Это напомнило Грише Турень.

На дорогах сверкали лужи, сугробы рыхло оседали у заборов, и зеленая (как Агейкино стеклышко) трава смело пробивалась в проталинах. Гавань, однако же, была наглухо скована белым, отражающим солнечное сияние льдом, и в этот лед там и тут вмерзли торговые суда. А среди них, у самого причала, и бриг „Артемиды“.

По сравнению с другими судами „Артемиды“ казалась вовсе даже не большой. Издалека глянешь – этакая игрушка с двумя мачтами. Но когда Гриша оказался на палубе – он задрал голову и уронил шапку. Понятно стало, что грот-мачта – не ниже колокольни Михаило-Архангельской церкви, которая рядом с Ляминской улицей в Турени. Да и передняя – фок-мачта – немногим меньше. Матросы перекачивали бочки и разбирали тюки, сложенные между небольших чугунных пушек (Гриша впервые так близко увидел настоящие пушки и уважительно погладил холодный металл).

Гриша еще в прошлом году прочитал книгу с мифами Древней Греции, и в названии брига для него не было загадки. Одна из богинь Эллады, Артемиды-охотница... Ее фигура, вырезанная из коричневого дерева, была укреплена под

бушпритом брига – небольшая, ростом с Гришу. От пояса до пяток закутанная в хитон со складками. Левой рукой она прижимала к боку лук с пучком стрел, а правой обнимала за шею прильнувшего к ней оленя. По правде говоря, богиня эта не очень понравилась Грише. „Деревяшка, вот и все“, – подумал он. Олень – и тот казался более живым... Ну да ладно! Все равно *настоящая корабельная фигура!*

Поселились в гостинице главного постоянного двора – большущего бревенчатого здания с хитрой резьбой (Гриша сразу вспомнил соседа Кондрата Алексеича Лукова – тот свои деревянные узоры готовил не хуже здешних мастеров). В номерах и на лестницах, как и повсюду в городе, пахло деревом.

Потянулись дни ожидания. Солнечная теплая погода сменялась неожиданными сырыми метелями. Гулять по городу было неинтересно, смотреть особо нечего. Капитан с рассвета до темноты был занят на бриге (а дни становились все длиннее, миновало равноденствие). Доктор что-то писал все время в своей комнате, хотя порой и тратил время на беседы с Гришей. Он принес мальчику откуда-то растрепанную книжку „Путешествие на бриге „Рюрик“ флота капитан-лейтенанта Отто Коцебу“, и Гриша читал часами, улегшись животом на гостиничное одеяло.

Он выяснил что „Рюрик“ и „Артемиды“ – похожие суда. Только „Рюрик“ даже чуть поменьше. Длиною не достигал сотни футов, а осадкою был чуть больше сажени. Команда у

него была меньше сорока человек, а на „Артемиде“ – полсотни... А вообще-то – Гриша это знал – на военных бригах полагалось по полному счету служить не менее, чем ста человекам. Больше сотни было, например, на героическом бриге „Меркурий“, который на Черном море вздумали захватить два громадных турецких корабля, да получили от русских крепкого перцу... Ну да в плаваниях, где опасности военных схваток почти нет, много народу ни к чему, только лишний расход на провиант...

А правда ли, опасности не было? Приходили известия, что Непир блокировал заливы и на подходе еще и французы. Правда, у Белого моря противника пока не наблюдали. Видимо, враг думал, что лед еще не скоро пустит его к Архангельску, а русских держит там крепче пушек...

Здесь автор повести должен сделать оговорку. Прежде всего напомнить, что это сказка. Или „почти сказка“. Правда, без драконов, принцесс, эльфов и магов, но все-таки... И на основе этой сказочности автор вправе сделать некоторые допущения. Без них невозможно объяснить, как в первые дни мая из архангельского порта смогло выйти и пересечь Белое море маленькое парусное судно. Обычно в эту пору там стоят ледяные поля. В нынешние времена с ними легко разделяются ледоколы и порт работает круглый год. А весной 1854 года... Друзья автора, опытные моряки, говорили ему, что это невозможно... Ну, разве что небывало теплая весна или какие-то отклонения в природе... В общем, то

ли теплые ветры двинули льды и образовали в них разводья, то ли течение Гольфштрем (идя навстречу решению российского государя) заплеснуло к Архангельску свою струю, но появились в ледяных полях проходы. И по этим проходам, на буксире у тяжелых гребных вельботов, отодвигая великанскими своими веслами (были и такие!) подступающие льдины, бриг „Артемида“ выбрался на чистую воду, где Гольфштрем уже являл свою силу и не давал царствовать льдам...

Поставили нижние паруса, марсели и стакселя. Судно взяло ветер... А Гриша Булатов, не успев порадоваться началу плавания, свалился с непонятной хворью.

Бриг

1

Маленький бриг – это ведь не трехдечный линейный корабль с просторными каютами для офицеров и большущей кают-компанией. Каютки на „Артемиде“ были тесные. Даже капитанское жилье – такое, что еле повернешься. „Курятники“, – говорил семнадцатилетний гардемарин Митя Невзоров, назначенный на „Артемиду“ в практическое плавание.

Митя был недоволен назначением. Многих товарищей распределили на корабли, которым, возможно, придется встретиться с неприятелем. А Дмитрия Невзорова (отнюдь не самого худшего по успехам на выпускном курсе!) определили для плавания в тропические воды! В иное время это могло бы порадовать, но сейчас, когда отечеству грозят военные беды!..

Выражать вслух недовольство он себе не позволял, но показывал его всей печально-сдержанной манерой поведения и сухим немногословием при разговорах. Один раз лишь неудовольствие прорвалось – когда сказал о каютах – „курятники“. Но это в разговоре с доктором, а не с офицерами.

Хотя Мите-то с корабельным жильем повезло больше других. Сначала его назначили в плавание вдвоем с товарищем,

но тому случилось заболеть перед отъездом (и теперь он, после поправки, скорее всего, счастливо готовился к боевым подвигам на каком-нибудь фрегате). А Митя оказался один в гардемаринской каютке, рассчитанной на двоих.

Туда-то и решено было поместить капитанского племянника, который через день после отплытия вдруг ослабел, стал валиться с ног от головокружений и тошноты, покрываться потом и временами впадать в неодолимую сонливость.

Можно представить, сколько раз в душе проклял себя капитан второго ранга Гарцунов за легкомысленную идею взять с собой мальчишку! Впрочем, вслух не сказал ничего *такого*, с Гришей разговаривал заботливо.

Понятно, что от юного растерявшегося гардемарина заболевшему мальчику не было никакого прока. Тогда доктор Петр Афанасьевич поменялся с Митей каютами („На время, голубчик...“) и поселился с Гришей, дабы тот все время был под медицинским оком.

Впрочем, выполняя судовые правила, сначала вызвали к мальчику фельдшера (в унтер-офицерском чине), пожилого Ивана Фомича Южкина. Пахнувший табаком и какими-то растворами Иван Фомич оказался бессилён определить причины непонятной детской хвори. Он привык лечить взрослых матросов от обычных простуд, желудочных недугов и от похмелья после стоянок в иностранных гаванях. А здесь... Он поскреб между курчавыми бачками бритый

подбородок, посопел, велел чаще проветривать каюту, но при этом укрывать мальчика плотнее, чтобы не случилось от сквозняка воспалений. Дал какие-то порошки и, виновато глянув на Петра Афанасьевича, удалился.

Доктор первым делом убрал подальше порошки. Он не казался слишком озабоченным. Заглянувшему в каюту Николаю Константиновичу объяснил:

– Я полагаю, нет особых причин для беспокойства. Просто дело в том, что в один сосуд нельзя влить жидкости более того, на сколько он рассчитан...

– Не понимаю, Петр Афанасьич... Разве он пил что-то лишнее?

– Я выражаюсь иносказательно, простите. Дело в том, что за долгую дорогу мальчик оказался переполнен впечатлениями, нервными ожиданиями и незаметной для него самого усталостью. Излишки пошли через край, наступила реакция. Болезненная, но не столь опасная, как может показаться. Следует отлежаться, и молодая натура возьмет свое. Восстановятся и силы, и свойственное отроческому возрасту любопытство к жизни. А пока... – и доктор развел руками: следует, мол, подождать...

Надо признаться, прежнего любопытства к жизни Гриша теперь не ощущал. Окошко в каюте было крохотное, свет проникал в застекленный люк, врезаемый вверху, между палубными бимсами. Гриша подолгу смотрел вверх через стекло. Чаще всего он видел серые зябкие облака, синева проби-

валась лишь изредка. Порой в косом полете пересекали стеклянный квадрат чайки – такие быстрые, что не разглядишь.

Гриша не скучал. Но и радостей не испытывал. Вспоминал дом, приятелей с Ляминской улицы, вечера с „туманными картинами“. Думал: как там встретили Пасху?... Дорогу от Турени до Архангельска вспоминал реже: видимо, для этого еще не пришел черед...

Он слышал, как в обшивку бьется волна. Бриг часто качало – то коротко и резко, то размашисто и плавно. Случалось, что валко переключивало с борта на борт. Это не мешало Грише, забавляло даже. Он покрепче брался за вертикальную стойку и упирался ногами в коечную спинку – вот и все. Тошнота, случившаяся с ним вначале от слабости, больше не возвращалась, а морской болезни он оказался вовсе не подвержен. Кстати, как и доктор.

Петр Афанасьевич держался бодро. Развлекал Гришу историями своих путешествий по Китаю и Амуру, рассказами про кругосветные плавания и про пиратов, которые в прежние времена хозяйничали у Антильских островов, куда сейчас держал путь бриг „Артемиды“. Говорил и о тех местах, через которые бриг проходил нынче.

Однажды он взял из гнезда на полке маленький фаянсовый глобус. Ногтем показал на блестящей поверхности синего океана курс „Артемиды“. Линия оказалась не столь уж длинной и почти прямой. Войдя в теплое течение Гольфштрем, бриг резво обошел северную оконечность Скандина-

вии – Нордкап – и теперь держал курс зюйд-вест, спускаясь к южным широтам.

Несколько раз доктор заставлял Гришу одеться поплотнее и помогал выйти на палубу.

– Вон там, голубчик, по левому борту, остались берега Норвегии. К сожалению, далеко, не разглядишь. А то увидел бы, сколь причудливо изрезаны заливами-фиордами ее берега... Зато вон другое, не менее любопытное зрелище! – Он показал, как над серыми невысокими валами вздымаются крутые фонтаны. – Киты! Целое стадо...

Среди волн, под изогнуто падающими струями, мелькали блестящие черные бугры – китовьи спины.

– Ух ты! – сказал Гриша, и прежний интерес к жизни на некоторое время вернулся к нему.

В другой раз Петр Афанасьевич вытащил Гришу наверх, когда тот был сонный и выходить не хотел.

– Пойдем, пойдем! Хватит киснуть! Сейчас увидишь такое, что запомнится навеки!

И Гриша увидел... Да, он слышал и читал, конечно, раньше про такие плавучие ледяные горы. Но не хватало воображения представить их громадность и скрытую в ледяных толщах силу. А сейчас...

До ледяного острова было, наверно, с полверсты, но и на таком расстоянии он казался придвинувшимся вплотную – всей своей необъятностью. Чтобы понять, на какой высоте его верхний гребень, следовало представить несколько „Ар-

темид“, мачтами стоявших друг на дружке...

Бриг бежал резво. Ледяной великан незаметно отодвигался, оставаясь слева и позади. Лучи низкого солнца вдруг вером, вполнеба, разлетелись из-под сизой тучи. Изломались в прозрачных гранях айсберга, расцветили его белизну и голубые тени искрящимися бликами и ломкими радугами...

Батюшки мои, на каких „туманных картинах“ увидишь этакое чудо! Гриша перестал дышать.

А офицеры, стоя неподалеку на юте, говорили меж собой:
– Вот неожиданное явление. Севернее, где обычно их немало, почему-то на сей раз не встретились ни единой. А здесь таким гостям вроде бы уже не место...

– Да отчего же? Им всюду случается место. Есть свидетельства, что порой они достигают и тропиков. Не часто, правда...

Гриша вдруг спохватился. Отогнул полу стеганой суконной куртки, выхватил из кармана штанов гладкий зеленый осколок. Глянул... Краски ледяной горы вмиг попали в плен к зеленой прозрачности. Они остались разными, но словно превратились в чащи и заросли неведомого великанского леса, в котором искрились и носились в воздухе сотни блестящих жуков с изумрудными крылышками...

Туча надвинулась на солнце, погасила сказку. Ледяной остров стал белесым и туманным, волны и небо – серыми. Стоило ждать, что подступят прежние вялость и скука. Но... Гриша сжал стеклышко в ладони и ощутил, что скуки больше

не будет. Гудел в снастях и парусине бодрый ветер. Славный такой ветер, с зюйд-оста. Совсем не холодный. Он был какой-то знакомый, слегка напоминал о доме, потому что (хотите – верьте, хотите – нет) в нем ощущался запах, похожий на запах пустых бочек из-под соленой рыбы, которые пирамидами высились на краю речной пристани в городе Турени.

Гриша передернул плечами от запоздалого приятного озноба – от такого, какой случается, когда ты накатаешься на санках в морозных вихрях, прибежишь домой, сбросишь на пол шубейку и впитаешь телом густую ласковость натопленных печек...

Это коснулось Гриши первое дыхание теплых широт.

...Назавтра Гриша ощутил себя бодрым и удивительно голодным. А еще через день Петр Афанасьевич сообщил командиру, что мальчик окончательно здоров.

И Гриша начал стремительно проникать в корабельную жизнь.

2

Теперь все ему было интересно. Он пристал к Николаю Константиновичу с вопросом, отчего бриг держит на гафеле не андреевский флаг и даже не флаг Российско-Американской компании (на который тоже имел право), а почему-то – голландский. Капитан терпеливо объяснил, что это – предосторожность. Пока есть опасность встречи с британскими

или французскими военными судами, лучше не показывать свою принадлежность к России.

Гриша не удержался от осторожного вопроса:

– Но разве же... это хорошо?

– По правде говоря, не очень... – признался капитан второго ранга Гарцунов. – Такая хитрость не считается у моряков доблестью. Однако же и не осуждается однозначно. К ней в военное время прибегают суда разных стран – и чтобы обмануть противника, готовясь к атаке, и для разведки, и чтобы ускользнуть от врага... Что поделаешь, наши пушки мало годятся для морских батальи...

Гриша и сам это понимал. Не надо было сильно разбираться в военном искусстве, чтобы сообразить: восемь мелких карронад брига (про них говорили „двенадцатифунтовые“) – невелика сила против многопалубных громад, на которых каждое орудие удачным выстрелом способно разнести скорлупку „Артемиду“ надвое. Чугунные карронады при ближайшем рассмотрении выглядели грозно, однако... лучше бы им вот так и „выглядеть“, без боя...

Впрочем, и без боя эти совсем небольшие орудия рывкали оглушительно. Во время артиллерийских учений. Учениями командовали лейтенант Новосельский и канонир Архип Дровянников. По приказу командира брига.

Однажды, когда ветер на короткое время притих, легли в дрейф, спустили на воду скрещенные брусья с рейчатой рамой, на которую натянут был кусок парусины. На шлюпке

оттащили эту конструкцию на кабельтов от судна. Одни матросы из рук в руки передавали из трюма серые мешочки с порохом и маленькие черные ядра, другие заряжали карронады правого борта. Затем сбоку от каждой пушки стал комендор.

– Наводи! – велел унтер-офицер Дровянников. Матросы завертели винты под стволами.

– Слева по одному! Пали! – скомандовал лейтенант.

Левая карронада ахнула с такой неожиданной мощностью, что Гриша, стоявший у грот-мачты, прижал к ушам ладони. Неподалеку от парусиновой мишени поднялся на зыби всплеск. Гриша увидел это из-за круглого синего дыма, который вырос перед стволом. Карронада подскочила и откатилась почти к самой грот-мачте (и к Грише! Он шарахнулся). Грохнула вторая карронада. Парусина дернулась, от левого края рамы отлетели щепки. Кажется, матросы заорали „ура“. Но это можно было понять по их раскрытым ртам, а услышать... Чего тут услышишь, когда уши забило, будто деревянными пробками – несмотря на прижатые ладони...

Гардемарин Митя Невзоров мягко взял Гришины запястья и опустил его руки. Негоже, мол, морскому человеку пугаться орудийной пальбы. Гриша стремительно устыдился и притиснул растопыренные пальцы к бедрам – чтобы не оскандалиться снова. Третья пушка ахнула с еще большей силой (уши-то уже не были закрыты!). Гришу шатнуло, но ладони, прижатые к штанам, он не оторвал. В парусине по-

явилась аккуратная дырка. Матросы опять в крике „ура“ широко раскрыли круглые рты.

И снова – бабах!

В парусине появилось еще одно отверстие (круглое, как матросский рот)...

Потом кто-то снова взял Гришу за плечо. Оказалось – капитан Дровянных.

– А ну-ка, малёк, попробуй! Их высокоблагородие сказали, что надобно тебе привыкать. Это вроде корабельного крещения...

Что?! Он?! *Сам* должен стрелять?!

Гриша беспомощно глянул на ют, где стоял капитан второго ранга и другие офицеры. Но с перепугу не разглядел, кто где...

– Дядя Архип, я... – И сам себя не услышал. Дровянных с усмешкой подтолкнул его в спину. Матросы лихо чистили стволы банниками и заряжали карронады по второму разу. Гриша оказался у четвертой по счету.

– А ну, глянь, точная ли наводка... – услышал он сквозь тугую вату в ушах. Беспомощно глянул из оружейного люка поверх черного блестящего ствола. Где-то далеко разглядел скачущее белое пятнышко. Кивнул наугад (скорей бы все это кончилось!).

Архип отодвинул его:

– Сбоку стоять положено, а то шибанет в лепешку... На-кошь... – И сунул ему в ладонь толстый шнур с плетеным

шариком на конце.

На казенной части пушек были привинчены замки от кремневых пистолетов. Удобная штука. Не надо соваться с горящим фитилем к запальному отверстию, дернул – и готово! Только дергать ух до чего жутко... Но кто-то гаркнул у Гриши над головой: „Пали!“ – и Гриша дернул шнур, и дернулся сам, всем телом назад...

Показалось, что выпалила не одна карронада, а все вместе. Орудие дернулось и быстро откатилось, чуть не ударившись о борт укрепленного посреди палубы вельбота. Хорошо, что Гришу поставили в стороне!

...Уже после Гриша узнал, что ядро его в цель не попало, но зарылось в воду недалеко от парусины. „На первый раз неплохо“, – снисходительно заметил Митя. Но в те первые полминуты Гриша ни о чем таком не думал. Старался только унять дрожь в коленях. Потом охнул: „Неужели?...“ Перепуганно глянул вниз на штаны. Однако позорного сырого пятна между ног не было... Ох, вот счастье! А то ведь оставалось бы одно – головой через фальшборт!..

Эти артиллерийские учения случились где-то на десятый день плавания, когда бриг уже ушел из северных широт. Теперь над океаном дышало лето. Днем жарило солнце, нагревало палубные доски. Дул уверенный спокойный ост-зюйд-ост. Судно бежало резво – бывало, что лаг показывал четырнадцать узлов. Для брига – совсем не мало. Митя разъяснил, что у „Артемиды“ очень удачная конструкция. Хотя бриг

строили в финском городе Або, корпус у него похож на корпуса быстрых американских шхун – с малой осадкой и почти плоским днищем, благодаря которому судно легко взбегаёт на волну и как бы „стрижет“ на них гребешки. Такие шхуны теперь называют иногда „клиперами“, ¹ то есть „стригунами“.

Боковой ветер, при котором курс называется „галфвинд“, для легкого брига очень даже подходящий...

В ту же пору, когда случились учения, бриг перестал скрываться под голландским флагом и каждое утро поднимал свой – андреевский. Теперь почти не было риска встретить военные корабли вражеских стран. Раньше по утрам, когда команда выстраивалась во фронт на палубе между баком и ютом, просто читали молитвы. Вслед за хорошо знавшим службу матросом Ильей Веретягиным повторяли сперва „Богородице Дево, радуйся...“, а потом „О странствующих и путешествующих“. А теперь перед молитвами отдавалась строгая команда: „На флаг смирно! Флаг поднять!“ Матросы сдергивали шапки, офицеры подносили пальцы к козырькам...

Гриша робко становился в конце шеренги правого борта. И не просто в конце, а даже чуть в сторонке.

Потому что непонятно было: кто он на брига? Ну, не матрос же! Может быть, юнга? Но на то не было от коман-

¹ Всезнающих и въедливых читателей просят не путать эти шхуны с большими клиперами более поздней постройки.

дира никакого приказа, а заговаривать про это сам Гриша не решался. Значит, просто племянник командира, „пассажир“ (оказывается, было такое специальное слово для гостей на судне).

Но быть пассажиром Гриша не хотел!

Его не просили, не заставляли участвовать в каких-то обязательных делах (только Митя занимался с ним арифметикой и немного французским языком, да обещал еще вскоре заняться и английским – столь необходимым для флотских людей, – но это же не морская служба!). И Гриша сам старался помогать матросам: скатывать палубу на утренних приборках, драить разные медяшки (до полной ослепительности!), конопатить лежавшую на баке шлюпку, в которой при постановке на воду мишени обнаружилась досадная течь...

Матросы сшили ему широкие холщовые штаны и такую же рубашку, нашли подходящую по размеру шапку, и теперь он по виду отличался от них только ростом.

Вскоре после своей болезни Гриша, знакомясь с судном, оказался в матросском кубрике, под палубой. Пахло здесь табаком и потом, тесно было, на верхних балках – бимсах – висели фонари. Днем свет падал в решетчатые люки. Когда приходило время обеда, из-под потолка спускали подвесные дощатые столы. Койки тоже были подвесные. Днем они, свернутые в маленькие тугие тюки, лежали у фальшбортов, под пушечными люками, к ночи матросы их несли в кубрик.

– Хочешь, и тебе такую приспособим, – предложил Илья

Веретягин (тот, который хорошо знал молитвы). Наверно, он шутя предложил, но Гриша воскликнул:

– Да! Я хочу!

И в тот же день попросил у Николая Константиновича позволения поселиться с матросами.

Командир „Артемиды“ не возражал.

– Что же, познавай матросское житье-бытье, пригодится...

Ночевать в кубрике, несмотря на духоту и тесноту, было любопытно. И койка тесная, как холщовый мешок, и болтается она при качке, а все равно здорово! От того, что рядом с тобой так же качаются и спокойно дышат крепкие, уверенные в себе люди, появлялось ощущение надежности и безопасности. Гриша был там не просто мальчик, а частичка экипажа...

Перед сном велись в кубрике всякие разговоры, немало было историй о прежних плаваниях. Молодых матросов в экипаже набралось немного, больше – такие, кто успел поплавать по морям и океанам. Троим довелось даже побывать в кругосветных рейсах.

А еще рассказывали сказки. И такие, которые Гриша знал с малолетства, и неслыханные раньше: про подводного царя, морских принцесс и русалок с коралловых островов, где зарыты пиратские клады.

Однажды спросили Гришу:

– А что, матросик, наверно, и ты всякие сказки знаешь?

Небось книжки читал...

Гриша посопел, помялся и признался наконец, что кое-какие сказки знает. Может, например, прочитать про Конька-Горбунка.

– Только эта сказка в стихах написана. Интересно ли будет слушать-то?...

Гришу уверили, что будет интересно. И подивились:

– Неужто всю помнишь наизусть?

– Вроде помню... А если собоюсь маленько, не корите...

Он читал „Конька-Горбунка“ два вечера подряд, не сбивался. И казалось иногда, что он не в кубрике, а в доме на Ляминской и который раз декламирует знакомые строчки для пятерых сестер Максаровых (вот-вот заглянет тетичка Полина: „А спать не пора ли, голубушки?“). Слушали его с отменным вниманием и не раз говорили потом спасибо... И все же дня через три к Николаю Константиновичу обратился боцман Дмитрич:

– Ваше высокоблагородие, мальчонка в кубрике – это одна радость, конечно. Только ребята спрашивают: нельзя ли его все же поселить в отдельности, как раньше. Потому что у матросов, сами знаете, какие бывают разговоры. Случается, что и крепкое словцо вылетит или, значит, что-то про женские дела там... Не для мальчишкиных ушей...

Гриша вновь оказался в двухместной каютке. Доктор Петр Афанасьевич перебрался к себе, а Гришиным соседом сделался Митя...

„Дыхание океана“

1

Офицеры брига „Артемиды“ были молоды. Грише-то они казались мужчинами в годах – эдакие дяденьки с усами (а некоторые и с бакенбардами), но на самом деле... Командиру едва перевалило за тридцать. Остальные – и того моложе. Мичману Сезарову вообще чуть больше двадцати. Почти у всех, правда, уже были жены и дети (о которых господа офицеры грустили в дальнем пути), но все равно – возраст, далекий от старости...

Исключение по возрасту составлял только пожилой штурман Иван Данилович Евдохов. Но он, если точно говорить, и не был флотским офицером, а имел сухопутный чин поручика. По сравнению с морскими званиями это что-то вроде мичмана. Да и вид у Ивана Даниловича был совсем не офицерский. Скорее, тот напоминал наставника городского училища. К подъему флага штурман выходил в мешковатом форменном сюртуке, а в остальное время, испросив позволение у командира, носил просторную парусиновую тужурку без всяких военных знаков. Характер Ивана Даниловича отличался мягкостью и деликатностью, однако в офицерских беседах штурман участвовал редко. Больше он общал-

сы с доктором Петром Афанасьевичем – они любили поговорить о гравюрах давних мастеров, о редких навигационных картах и старинных мореходных инструментах...

А вот уж кто вовсе не был взрослым, так это гардемарин Дмитрий Невзоров. Конечно, его, как будущего мичмана, офицеры сразу приняли в свой круг и считали полноправным членом кают-компания. И офицерские вахты Митя нес наравне с офицерами (правда, только в дневное время). Но взрослости это ему не добавляло. Оно и понятно! Чтобы ощущать себя взрослым, надо иметь в запасе хоть немного зрелой жизни. А у него, у Мити, что было за плечами? Только деревенское детство в убогом имении под Калугой да несколько лет в Корпусе, где все товарищи – кадеты и гардемарины – такие же мальчишки... Поэтому сосед по каюте – Гриша Булатов – пришелся Мите очень даже по душе. Хотя и младше на шесть лет, а все равно свой и понятный. Не то что офицеры, при которых постоянно следует помнить о солидности и этикете.

Сперва Гриша говорил гардемарину „вы“, но скоро они стали держаться совсем на равных. И целыми вечерами болтали обо всем на свете. Гриша рассказывал о Турени, о таинственных подземных ходах под речными обрывами, о зимних и летних играх в логу, о своих любимых санках, о друзьях-приятелях, о сестрах Максаровых, о волшебном фонаре, о любимых книжках...

Митя тоже любил говорить о книжках. А еще – о своей

деревне Ермилово, о родителях, о бабушке Евдокии Савельевне, которая во внуке души не чаяла и старательно нагадывала ему на любимых старинных картах счастливую судьбу. А еще – о Корпусе. О веселых проказах воспитанников, о строгих преподавателях (попробуй что-то не выучить!), внушающих кадетам сложные понятия навигации и корабельного устройства; о воздвигнутой в обеденном зале громадной (в половину натуральной величины!) модели корвета „Наварин“.

– На ней можно заниматься, как на правдашном корабле! Даже на реи лазать! Вот окажешься в Корпусе – сам все увидишь...

Гриша не был уверен до конца, что когда-то окажется в Морском корпусе. Казалось это очень уж несбыточным. А если и „сбыточным“, то в каком-то далеком будущем. Но все же от ожиданий сладко и боязливо сжималось сердце...

Митя стал между делом учить Гришу французской речи (которую, правда, сам знал „пока что не так уж“). За неделю много не выучишь, но все же три десятка слов и несколько простых фраз Гриша затвердил.

– Французы – хорошая нация. Только одно непонятно: чего они на нас, на русских, то и дело зубы точат? – подосадовал однажды Митя.

– Ну дак ведь не все они, а ихние императоры, – заступился за французскую нацию Гриша. – Что поделаешь, раз такие дураки...

Митя дурашливо округлил карие блестящие глаза:

– Тс-с... Про императоров так не говорят.

Гриша так же дурашливо испугался:

– Я больше не буду... Но ведь я же не про нашего, а про тех... А новый их Наполеон даже и не настоящий какой-то... – Это Гриша вспомнил офицерские разговоры в кают-компании. Там говорили, что наш царь не признал полных прав Наполеона Третьего на французский престол. То есть, с одной стороны, как бы и признал, но не полностью. И это, мол, одна из причин нынешней войны...

Впрочем, Гришу не сильно заботили дела нынешнего Наполеона (да и нашего царя – тоже). Главным ощущением Гришиной жизни было сейчас то, что он называл про себя двумя словами: „Дыхание океана“.

Когда Гриша забирался на марс, он видел синеву и волны с гребешками – иногда крупные, иногда не очень. А под этими волнами, под взъерошенной морской поверхностью, ощущались почти незаметные, очень пологие, но в то же время громадные, длиною в полверсты, неспешные валы. Этикие подымания и опускания океанской массы. Океан *дышал*. Дышал в любую погоду – даже если день стоял совсем безоблачный и ветер был ничуть не сильный, а так, ветерок...

Впрочем, „Артемиде“ везло в этом пути. Дуло хорошо и ровно, без переходов к шторму. В основном с зюйд-оста. Бриг резво спускался к южным широтам, над океаном стояло уже настоящее лето. Порою ветер делался таким, будто

дохнуло из печки. Правда, вскоре потоки воздуха снова становились прохладными – но ничуть не зябкими. Они – когда Гриша был на марсе – дергали его широкую рубаху, трепали отросшие локоны, шумели в ушах и вокруг головы.

Иногда вокруг брига летали крупные белые чайки с черными головами. Порой они останавливались в струях ветра и неподвижно повисали почти рядом с Гришей. Будто хотели что-то сказать, но не умели. Гриша удивлялся: откуда здесь птицы, если поблизости нет никакой земли? Но спросить об этом кого-нибудь не решался: словно этот вопрос как-то мог повредить чайкам...

Свободного времени у Гриши было много. Это несмотря на то, что и матросам помогал, и с Петром Афанасьевичем иногда занимался письмом и счетом, и книжки, взятые у доктора, читал (например, про доблестного рыцаря Иван-хое, писателя Уолтера Скотта), и с Митей вел долгие игры в шахматы, которые нашлись в кают-компании. (Сперва Митя его расщелкивал за несколько ходов, но скоро Гриша подна-торел в шахматных хитростях.)

Николай Константинович Гарцунов теперь не часто обращал внимание на Гришу. Может, считал, что пусть мальчик привыкает к самостоятельности, и долгими разговорами не докучал. Правда, однажды позвал к себе в каюту, спросил:

– Всё ли у тебя хорошо, голубчик? Как она, корабельная жизнь?

Гриша бодро отрапортовал, что всё отменно и что привы-

кает он изо всех сил.

– В первые дни боялся, что будет укачивать, а оказалось, что вот ни настолечко...

– Это славно... А теперь возьми знакомую тебе вещь... – Гарцунов протянул тяжелую тетрадь в кожаных корках – ту, в которой он во время сухопутного путешествия рисовал для Гриши парусные корабли и оснастку. – Здесь еще много чистых листов. Записывай, что увидишь в плавании интересного, потом пригодится... Вот и стило свинцовое.

– Спасибо, Николай Константинович... – выговорил Гриша, сделав подходящее лицо. Но, видимо, на лице все же не проступило особой радости: ясно, что всякими писаниями заниматься мальчишке не хотелось. Хватит с него уроков с доктором.

Капитан понятливо разъяснил:

– Ты не старайся писать много строчек. Иногда ведь довольно одного слова, чтобы потом вспомнился какой-нибудь случай или картина.

Гриша с благодарностью воспринял этот совет. И стал иногда записывать в тетрадь: „Киты с фонтанами... Чайка смотрела, как человек... Медузы у борта... Штиль, а потом порывы... Выиграл у Мити... Встретилось торговое шведское судно... Задний парус иногда именуют контр-бизанью, но это по привычке, а по правде он – грота-трисель...“

Запись о парусе была, пожалуй, самая длинная в тетрадке. И надо сказать, грота-трисель – косой нижний парус под

гафелем задней мачты – того заслуживал. Скоро он, глухо взятый на все рифы, оказал бригу немалую помощь...

2

Про это событие в Гришиной тетрадке написано оказалось лишь одно слово: „Шквал“. Но ой-ей-ей сколько вспоминалось потом, когда на слово это натыкался взгляд!

Кончалась вторая неделя плавания. Лейтенант Илья Порфирьевич Новосельский заметил в кают-компании во время обеда:

– Миновали широту Франции, господа. Только в большом отдалении от сей державы.

– И слава Богу, что в отдалении, – подал голос первый лейтенант Александр Гаврилович Стужин. – Не хватало нам еще встречи с их эскадрой...

– Ну, едва ли доблестные галлы болтаются сейчас в океанских водах в надежде на случайную добычу, они заняты блоками, – вступил в разговор мичман Сезаров. – А нам более грозят природные силы. Что-то за все плавание пока не было ни одной трепки. Как бы вскоре не аукнулось...

– Тьфу-тьфу-тьфу на вас, Владимир Игоревич! – рассердился вопреки обычному добродушию штурман Иван Данилович. – Что вы дразните Нептуна! Хотите накликать неприятности? – И он костяшкой пальца постучал по деревянной изнанке обеденного стола. Следом то же сделали и осталь-

ные. И даже Гриша, скромно сидевший на самом уголке (он тоже знал морские обычаи).

Впрочем, страха Гриша не испытал. Очень уж обыкновенными и ровными были качание океана и брига (они стали уже частью Гришиной жизни). Ласковой была синева. Добрым показался упругий, но ничуть не сердитый ветер, когда Гриша стал взбираться на марс. Веревочные ступеньки-выбленки резали босые ступни, но это было терпимо, потому что недолго. А вот Митя рассказывал, что провинившихся матросов ставят на выбленки босыми ногами на несколько часов. Нестерпимо, наверно. Впрочем, на „Артемиде“ такого не случалось. Гриша вообще не видел, чтобы кого-то как-то наказывали. Разве что сиплый и волосатый боцман Дмитрич покажет какому-нибудь растяпе веснушчатый здоровенный кулак...

Гриша забрался, встал на теплую деревянную решетку, привычно прислонился затылком к основанию стены. От медного рыма, как всегда, пахло начищенным самоваром. Гриша улыбнулся этому домашнему запаху... и вдруг заметил, что ветер ощутимо слабеет. Бриг потерял обычную упругую силу, и теперь его качание стало неловким и каким-то растерянным.

Гриша с тревогой оглядел горизонт. Легкие белые облака были такими, как всегда. Но впереди и справа, у самого горизонта (Гриша увидел это из-под обмякшей нижней шка-торины фор-марсея) заметным стало еще одно облачко –

похожее на комок серой пакли...

Гриша не раз – и от матросов, и от Мити – слышал, каковы они, признаки неожиданных океанских шквалов. Сердце у него ёкнуло и упало в живот. Он будто со стороны услышал свой тонкий вопль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.